

Диана Джелли

*Идущие
сквозь туман*

18+

Диана Джем

Идущие сквозь туман

<https://litres.ru/74383924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы начать жить заново, приходится разрушить все, что когда-то казалось незыблемым.

Лиза – молодая девушка оказывается в точке, где привычная жизнь больше не приносит радости: отношения причиняют боль, работа лишена смысла, а попытки соответствовать чужим ожиданиям постепенно ломают собственное «я».

В ночь праздника Белетейн, когда границы между мирами стираются, Лиза решает убежать от прежней жизни. Встреча с Тимом, случайное знакомство, шабаш сверхъестественных существ, грань между жизнью и смертью навсегда меняют ее судьбу. Неожиданно для себя девушка оказывается между привычной реальностью и таинственным миром. Едва не умерев, начинает видеть странные сны, блуждая по лабиринтам собственного подсознания, сталкиваясь с теми частями себя, от которых прежде пыталась убежать. Лиза распутывает клубок собственных неудач, пытаясь отыскать дорогу к себе. Удастся ли ей обрести счастье и наполнить жизнь смыслом. Или она так и будет блуждать в темноте и тумане?

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	51
Глава 5	66
Глава 6	87
Глава 7	100
Глава 8	112
Глава 9	122
Глава 10	129
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Диана Джем

Идущие сквозь туман

Я странница.

У меня цыганская душа, а еще тысяча лиц и тысяча имен.

Я бродяга, скитающаяся по миру.

Время не властно надо мной. Пространство не в силах сдерживать мой порыв.

Я не ведающая страха, танцующая под дождем, обнимающая ураган, купающаяся в свете далеких звезд.

Я буря и шторм.

Покой и тишина.

Я импульс, движение и вечное преобразование.

Я свободна, как ветер, легка как воздух. Воля и свобода — основа моей природы.

Я сама решаю, и сама отвечаю за принятые решения.

Я странница...

Сожалею ли я о своей бродячей судьбе?

Ни капли.

Хотя порой я мечтаю...

И тогда мои мысли начинают водить хороводы, а мечты скользят по щекам крошечными жемчугами, с перламутровым блеском, чтобы, подобно утренней росе, осесть на кончиках твоих пальцев.

О чем же я мечтаю, спросишь ты?

Мечты мои о доме, уюте и постоянстве.

Я мечтаю и снова собираюсь в дорогу.

Вернусь ли я однажды?

Да!

Когда же это произойдет?

Тогда, когда ты снова позовешь меня.

Теперь ты знаешь, что я существую.

Теперь тебе известно, что у меня есть имя.

Пролог

Звезды – маленькие желтые фонарики. Крыши домов, как песчаные дюны: рельефные и горячие. Я стою на одной из них, наблюдая за жизнью ночного города. Я не одна. Нас двое. Я и он – мой страх. Мы родились вместе и с той поры идем по жизни рука об руку. Он всегда рядом. Даже когда я совершенно забываю о нем. В эту минуту мы вместе стоим на крыше высотного здания. Достаточно опустить взгляд, и у меня начинает кружиться голова, а к горлу подступает тошнота. Я боюсь, но продолжаю двигаться вперед. Зачем? Разве это вопрос? Нет! Это морской прибой, шумит и пенится у меня в голове, не находя выхода. Поэтому я просто иду вперед, не оборачиваясь. Желание оглянуться назойливо преследует. Зачем? Волны пенятся, вздымаются и свирепствуют все сильнее. Знаю, если найду ответ на вопрос, немедленно полечу вниз. Мне страшно. Я боюсь. Отчаянно и безнадежно. Запрещаю себе думать и чувствовать. Продолжаю двигаться, как кукла с механическим заводом. Ступни, едва ка-

саясь бетона, совершают осторожные и выверенные движения. Не имею права на ошибку и остановку. Уверена, буду идти до тех пор, пока не закончится завод механизма. А потом... Потом я непременно полечу вниз.

Часть 1

Глава 1

Стук каблучков звенел в воздухе, разнося гулкое эхо по длинному, мрачному коридору, ведущему к выходу. Помещение практически не освещалось и напоминало мрачный, безжизненный колодец, лишенный воздуха, тепла и света. Лишь над входной дверью тускло мерцал фонарь, собирая вокруг зловещие тени. Проход не был таким уж длинным, но создавал иллюзию непреодолимой преграды. Это пугало. Наводило ужас.

Я пыталась уйти, убежать прочь из этого места, наполненного прошлым, которое настойчиво протягивало ко мне свои когтистые лапы, дергало за одежду, что-то шептало, отказываясь отпустить. Я мчалась пулей, опрометью, без оглядки. Легкие горели, голова кружилась, тело не слушалось. «Нельзя позволять себе останавливаться. Нельзя, и все тут!»казалось, я бегу в пустоте, и этому не будет конца. И все же конец наступил. Я потеряла контроль, оступилась и упала, когда до входной двери оставалось не больше десяти шагов. Мир яростно завращался, увлекая меня за собой. Стены плыли, наезжая друг на друга, сталкивались. Воздух с трудом проникал в легкие. Стремительно надвигающаяся темнота по-

глощала. Я больше не бежала, теперь я неспешно плыла в пустоте.

Сознание вернулось ко мне болью. Чудовищной болью в теле, которая рвала на части. Слезы непрошеными гостями лились по щекам, оставляя черные борозды растекшейся туши. Расстегнув рукав, я осмотрела ушиб. Локоть сильно распух, было больно разгибать левую руку. Я с трудом поднялась на ноги. В голове не переставая жужжал растревоженный пчелиный рой. Ноги, ватные и непослушные, подкашивались, руки слегка дрожали. Слабость впиалась в тело острыми зубами, крепко сжав челюсти.

Сделав два неуверенных шага, я снова споткнулась и упала. К горлу подступила тошнота, перед глазами звезды кружились в ярком хороводе. Началось еще одно погружение в темноту. Что-то держало меня здесь, не давая выйти. А уйти хотелось очень!

«Прочь из этого места! Сейчас же! Немедленно! Сию же минуту!» – пульсировала в висках раскаленная мысль, побуждая к действию, а к ногам будто кто-то привязал свинцовые гири. Каждый шаг давался ценой невероятных усилий. Шум в голове сделался невыносимым, зрение теряло остроту. «Еще шажочек, еще один, а потом еще. Ну же!» – твердила я себе, но темнота вокруг обступала, сгущаясь. Наконец вытянутые вперед руки уперлись в дверь, ведущую наружу. Головная боль стиснула виски невидимыми клещами, словно пытаясь выдавить из черепа мозг. «Это конец! – про-

шептал чей-то голос совсем рядом. – Ты не уйдешь, потому что я не отпущу тебя». Надавив на дверь из последних сил, я почувствовала сильный удар кулаком в нос. Что-то целое, важное внутри меня взорвалось, рассыпавшись на множество мельчайших частиц. Они будто звезды кружили в бездонном небе, яркие и блестящие, улыбающиеся и манящие.

Очнувшись в очередной раз, я с радостью осознала, что нахожусь по ту сторону двери. Значит, побег удался! Правда, радость длилась недолго, потому что резко накатившийся приступ рвоты, согнув меня пополам, заставил упереться ладонями в асфальт и безудержно извергать из себя содержимое собственного желудка. Мне было плохо, но душа моя пела, а сердце ликовало. Я была жива и... СВОБОДНА!

Свобода. Какое простое, но при этом важное и нужное слово. Под видимой легкостью и простотой, скрывающее некоторый драматизм, порой не лишенный пафоса и героизма. Столь манящая и привлекательная во все времена свобода вынуждала людей сражаться и умирать, претерпевать лишения, но неизбежно добиваться ее снова и снова. К ней стремились, о ней мечтали, ее неустанно жаждали.

Так что же она собой представляет, эта самая «свобода»? Возможность самостоятельно делать выбор, решать свою судьбу, руководствуясь собственными желаниями и личными устремлениями, с вытекающей отсюда ответственностью за совершенные поступки? Или же под этим словом многие маскируют вседозволенность и банальный уход от ответ-

ственности, своего рода хаос и анархизм? А как я интерпретировала это слово? Как возможность выбора, неразрывно связанного с ответственностью, или же, напротив, как вседозволенность, а следовательно – побег?

Вопросы кружились в голове назойливыми мухами. Они липли, жужжали, донимали.

Я сидела на асфальте, прислонившись спиной к фасаду того самого здания, из которого только что сбежала. Тошнота прекратилась, но кровь тонкой струйкой продолжала вытекать из носа. Запрокинув голову, чтобы остановить ее, я замерла, увидев вечернее небо. Бесконечное, величественное и непостижимое, окрашенное в розовые и оранжевые цвета. Оно поражало и восхищало своей красотой, но при этом поднимало из самых глубин души какое-то смутное ощущение печали и безнадежного тягучего ожидания. Словно я кого-то ждала. Словно я родилась с этим вечным и беспросветным чувством. Словно самой судьбой мне было предназначено ждать. Но кого, зачем, для чего и почему, в конце-то концов?! Я искала ответы на все эти вопросы, вглядываясь в небеса, а они манили, обещали и безмолвствовали.

Время замерло, остановилось, перестало существовать. На небе сгущались тучи. «Кажется, будет дождь», – подумала я. Холод настойчиво заявлял о себе. Руки мои заledenели. Я просунула их в рукава и обнаружила, что пуговица на манжете оторвана, чулки на коленях превратились в лохмотья. Отражение карманного зеркальца вообще вызвало приступ ис-

терического хохота. На меня смотрела грязная, всклокоченная девица, сверкая темно-зеленым льдом суженных миндалевидных глаз. Лицо со следами размазанной крови внушало легкий ужас. Тушь растеклась и размазалась, образуя неряшливые черные круги под глазами. Одним словом, вид у меня был весьма красочным и живописным. Нужно было срочно приводить себя в порядок.

С трудом отклеившись от асфальта, я отправилась туда, где можно будет наскоро навести красоту. Для этого прекрасно подойдет кафе, в туалете которого я смогу умыться и причесаться. И очень неплохо оказаться под крышей до того, как начнется дождь.

Идти пришлось недолго. Скоро я наткнулась на искомое заведение. Стоя перед входной дверью, рассматривая свое отражение в витрине, я, как могла, пригладила волосы, оттерла кровь с рук и лица и горячо понадеялась, что у работников кафе не возникнет желания сдать в полицию нежданную гостью. Вид у меня действительно был жалкий и лихой одновременно – самое то для тех, кто охраняет порядок в этом городе.

Набравшись смелости, сделав глубокий вдох, я толкнула дверь и шагнула вперед. Сосредоточившись на себе и том впечатлении, которое могу произвести, я, конечно же, не заметила объявления, прикрепленного у входа со словами «ОСТОРОЖНО, СТУПЕНИ». Ступеней я тоже не увидела. Зато каждую из них глубоко прочувствовала собственным

задом, которым их благополучно и пересчитала. Во время такого триумфального спуска сумка вылетела у меня из рук и с шумом врезалась в стоящий поблизости стул, опрокинув его. Грохот стоял оглушительный. Через минуту, кряхтя и слегка пошатываясь, я приняла вертикальное положение, во всей красе представ перед прожигающей меня злом и ненавистью официанткой.

– Извините, – пропищала я, пытаясь при этом мило улыбнуться.

Ответом была тишина и ядовито-колющий взгляд, взирющей на меня сверху вниз девушки. Было очевидно, что меня приняли за какую-то шпану.

– Простите, но не позволили бы вы мне воспользоваться туалетом вашего заведения. Со мной произошло нечто весьма неприятное... – Я запнулась и с явным смущением в голосе продолжила: – Все, что мне нужно, так это немного теплой воды, чтобы умыться и привести себя в порядок.

– Клиентов в таком виде, – и официантка многозначительно подняла брови, – мы не обслуживаем.

– Но я не прошу вас меня обслуживать, я прошу вас проявить человечность. Вот и все. Я умоюсь и сразу же уйду.

– Вы, видимо, не умеете читать. На вывеске написано «кафе», а не «баня». Если вам нужно помыться, идите в баню!

– Но я не собираюсь у вас мыться. Мне просто нужно немного теплой воды, чтобы привести себя в порядок.

Официантка, явно взбешенная моей настойчивостью,

продолжала испепелять меня взглядом. Пауза затянулась. Тишину нарушил бармен.

– Да пропусти ты ее в туалет, Маруся. Прояви хоть каплю человечности. Того, чего по отношению ко мне ты никогда не проявляла, – и он нагло улыбнулся.

На эту реплику Маруся тут же отреагировала: залилась ярким румянцем, поджала и без того тонкие губы и, как мне показалось, забыла о моем существовании, переключив свое внимание на обидчика. Путь был свободен. Упускать такой шанс было бы глупо, поэтому я, сделав несколько неуверенных шагов вперед, начала оглядываться по сторонам в поисках двери с заветной табличкой «М» и «Ж».

– Проходите, проходите, – весело прогудел бармен и подмигнул мне. – Туалет в конце зала налево.

– Ты с ума сошел! – прошипела Маруся. – Может, она убила кого или еще чего похуже.

– Да брось ты! Девчонка отмоется, причешется и уйдет, а ты приступай к своим обязанностям. Вон за тем столиком хотят сделать заказ, как мне кажется, – и он попытался обнять сварливую официантку.

– Вечно ты на все машешь рукой, – ответила Маруся, пытаясь высвободиться.

Дальнейших препираний между ними я не услышала, потому что скрылась за дверью уборной. Просторный, отделанный кремовым кафелем туалет, весь в зеркалах, поражал идеальной чистотой.

Первым делом пришлось скинуть юбку. Она сразу же подверглась критическому досмотру. Пыльная, грязная, но не рваная. Ее вполне можно вычистить. С рубашкой дело обстояло много хуже. Пуговица на одном манжете оторвана и потеряна. На другом рукаве красовалось пятно засохшей крови. Я попыталась отстирать кровь в холодной воде. Не получилось. Теперь вместо красного маленького пятнышка по манжете расплзлось большое и желтое. Высушив рубашку при помощи сушилки для рук, я слегка подвернула рукава, замаскировав тем самым дефекты. Затем осмотрела туфли. Пыльные, со слегка обшарпанными носами. Видимо, ободрала, когда падала. Что ж, обувь уже не спасти, но ходить в ней все еще можно. А вот разорванные на коленях чулки пришлось отправить в мусорную корзину.

Очередь дошла до лица и волос. Они также нуждались в тщательной очистке. Чем я и занялась. С умыванием проблем не возникло, а вот с волосами дело обстояло гораздо сложнее. Их пришлось мыть в раковине. Весьма неудобное занятие, скажу я вам, но при определенном навыке все-таки осуществимое. Спустя время в зеркале отражалось чистое и аккуратное человеческое существо. Осталось достать помаду и накрасить губы.

Ну вот, наконец блузка, вычищенная юбка и туфли поочередно заняли свои места на моем теле. Что ж, теперь все чисто, опрятно и очень даже мило. Юбка правда немного влажная, да и волосы тоже. Но в целом – весьма неплохо. Я улыб-

нулась своему отражению, застегнула сумку и покинула помещение туалета с гордо поднятой головой. Пока волосы и юбка сохнут, можно немного перекусить, но это в том случае, если мне позволят остаться. Если нет, что ж, и на том спасибо.

Выйдя из туалета, я растерянно огляделась по сторонам, пытаюсь отыскать персонал заведения, чтобы поблагодарить их за проявленное по отношению ко мне милосердие и заказать что-нибудь перекусить.

Вдруг у себя за спиной я услышала шаги и знакомый уже голос бармена:

– Ого-го! Да тебя и не узнать, куколка! Хочешь чего-нибудь выпить?

– Я бы с удовольствием чего-нибудь съела.

– Чего изволите? – Бармен лихо подал мне меню.

– Кофе, кусочек шоколадного торта, омлет и овощной салат.

– Подавать в такой же последовательности?

– Нет, в обратной, – сказала я и направилась к свободному столику у окна.

– Эй, куколка, ты куда? Может, поболтаем? – не унимался бармен.

– Послушай, пупсик, – я вернулась и почти вплотную придвинулась к нему, лихорадочно сверкая глазами, – мне кажется, что на сегодня я уже достаточно наболталась. Думаю, ты заметил это, когда я сюда заходила?

– Ну, как знаешь, – чуть разочарованно ответил бармен и сложил пухлые губы бантиком.

– Спасибо за понимание, – немного приглушенно ответила я.

В ответ бармен лишь пожал плечами.

Сидя за столиком в маленьком кафе и тщательно прожевывая салат, я наблюдала, как за окном бушевала стихия. Темно-серое, почти черное, грозовое небо хмурилось все сильнее. Из разверзшихся небес на землю изливались целые потоки. Небеса не плакали, они рыдали. По оконному стеклу рекой стекали слезы. А в голове у меня снова и снова, как заезженная пластинка, звучали слова: «Я не отпущу тебя, слышишь! Я найду тебя! Пройду сквозь туман, преодолею время, но я обязательно найду тебя!»

Я смотрела на мир через хрупкую перегородку стекла, на залитый слезами пейзаж, похожий на размытую акварель, и мое сердце плакало вместе с небесами. События минувших часов нахлынули мучительными воспоминаниями.

Глава 2

Это был необычный вечер. Точнее, непременно должен был им стать. Возможно, именно моя неистовая жажда настойчиво требовала от него подобного результата. Волшебная ночь с 30 апреля на 1 мая. Белетейн. Время магии и волшебства, обновления и возрождения. Древний культ начала лета. Языческий праздник. Такие дни буквально напитаны магией. Они дышат ею, источают, сочатся. Стоит лишь протянуть руку, и волшебство, словно зрелый плод, упадет в ладонь каждому возжелавшему его.

Тогда сказка, отсчитав краткий миг настоящего, могла преобразиться в реально существующую действительность. А я, в свою очередь, страстно мечтала о сказке, о чуде, о волшебстве. Мне хотелось, чтобы все свершилось по мановению волшебной палочки. Возникло из ничего, зародившись в пустоте. Вот так – раз! И перед тобой абсолютно другая реальность, в которой возможно абсолютно все.

В тот момент я не осознавала, что все имеет свои причины, а реальность сплетается из ежесекундного выбора и принятых нами решений. Поэтому отчетливо помню, как в этот вечер мои мечты разлетелись на множество мелких осколков хрупкого стекла. Просто, печально и предсказуемо. Однако, тогда мне так не казалось.

Звонок в дверь отвратительным визгом врезался в мозг.

Скрип открываемой двери. Тонкий волшебный аромат роз.

– Привет, – дежурный поцелуй в щеку.

Белоснежные розы у самого лица. Чарующий аромат наполняет прихожую.

– Это тебе.

– Спасибо. Цветы великолепные, – мои губы едва раскрываются, почти шепчут.

Рик с шумом бросил куртку на комод. Его ослепительная улыбка обожгла мое сердце. Теперь оно бешено стучало. Он ворвался в темноту дома сияющим и ярким – как полуденное солнце. И вот я стою в центре коридора с букетом белых роз, опустив ресницы. Приятное прикосновение его теплых губ к шее. Они нежнее роз. В эту минуту слова кажутся лишними и неловкими. Они мешают. Достаточно лишь его прикосновений.

Зазвонил телефон. Его звук разбивает хрусталь нежной романтики.

– Я отвечу, а ты пока поставь цветы в воду, – говорит он.

Волшебство момента разрушено подобно карточному домику. Продолжаю двигаться как механическая кукла. Тону, погружившись в тревогу и разочарование.

– Хорошо, – отзвук едва уловимого шепота.

Время – вязкая, клейкая субстанция, в которой я чувствую себя насекомым, угодившим в ловушку. Пытаюсь вырваться и освободится, интенсивно взмахивая склеенными крылышками. Настоящее и прошлое вращаются в одной цен-

трифуге. Миг, мгновение, момент – структурная единица абсолютного целого. Маленький, вращающийся шарик, от которого зависит многое. На каком поле он остановит свое движение? На красном или черном? Непредсказуемое вращение жизненной рулетки. Так что же это? Фатальная неизбежность или сознательный выбор?

– Ты остаешься со мной, я правильно поняла? Или... – осознаю и принимаю полное фиаско своих надежд.

– Я не могу тебе этого обещать. Мне нужно будет ненадолго уйти. Но я непременно вернусь.

– Вернешься. Конечно же ты вернешься. Ты всегда возвращаешься. Вопрос, как скоро это произойдет, и что произойдет в промежутке, тоже имеет значение. Я же в это время останусь одна. Опять. Да?

– Ну, вот, ты снова надулась, – раздражение вибрирует, хлестко бьет по сердцу.

Я еще более рьяно, более отчаянно взмахиваю склеивающимися крылышками. Еще сильнее вязну в клейкой массе настоящего времени. Подобно Дон Кихоту, я сражаюсь с ветряными мельницами. Это лишено всякого смысла.

Желание убежать отсюда наваливается тяжелым грузом. «Какого черта я вообще здесь делаю!?» – в бешенстве думаю я. Зачем мне все это надо? Я же стучусь в закрытые двери. Снова, снова и снова. Надоело! Очередная игра в одни ворота с единственным игроком. Ничего у нас не получилось раньше. И из сегодняшнего вечера тоже не получится.

Рик с милой улыбкой на лице сейчас уйдет. Я останусь одна. Опять. Он попросит подождать. Как всегда. Я опять соглашусь и опять пойду по этому кругу. Зачем? Для чего? Ожидание, невыносимо тяжелое и беспросветное, уничтожает, лишает жизненных сил. Я устала! Я очень устала от тяжести этого груза. Я больше не могу! Мне надоело вечно ждать! Мне больше не нужно завтра. Я хочу свое сегодня! Свое сейчас! Прямо сейчас! И точка! Мне не нужно неведомое будущее, я отчаянно нуждаюсь в настоящем. В моей душе началось извержение вулкана.

– Знаешь, мне необходимо прогуляться, – я стала надевать туфли.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– Ты обиделась.

– Нет. Я не обиделась, я просто устала. Очень.

Я стала колючей как терновый куст. Рик это почувствовал и принял вызов.

– От чего это ты устала?

– Я устала от тебя и от твоего безразличия. Устала быть ненужной вещью.

– Ах, вот как? А я устал от твоих претензий и требований, от того, что ты душишь меня, не даешь мне спокойно жить.

– Хорошо, тогда живи спокойно, только без меня. Я ухожу!

– Нет! Ты никуда не пойдешь!

– Это почему же?

– Потому, что я этого не хочу!

– Какая глупость! Видимо, ты не осознаешь, но именно к этому ты и стремишься.

– Да что с тобой происходит!? Чего тебе не хватает? – Рик швырял в меня слова как комья грязи. Он злился. – Я совершенно не понимаю тебя! Чего тебе надо? Чего ты хочешь!?

– Я хочу, чтобы меня уважали, ценили и понимали, уделяли мне время, взаимодействовали со мной. Ну хоть как-то! Понимаешь? Нет, ты ни хрена не понимаешь! Ты на своей волне и у тебя своя правда. Поэтому я ухожу!

– Стой! Я сказал – стой! Ты никуда не пойдешь!

– А вот и пойду! – взвизгнула я и запустила в него фужером. – Еще не родился человек, который сумел бы оставить меня!

Рик вовремя увернулся, потому что фужер с грохотом врезался в стену и осыпал его множеством мелких, хрустальных осколков.

Неизбежность укутывала покровом колючей грусти. Мой взгляд остановился на мужчине, что ворвался в дом с цветами еще пару минут назад. Сейчас, ошестинившийся и злой, он стоял, прислонившись к стене, опустив голову. В его волосах сверкали осколки разбитого стекла. Они блестели как непролитые мною слезы. Знаю, что этот момент останется в моей памяти навсегда.

Пространство заполнила тишина. Глухая, непроницае-

мая, непреодолимая, какая-то душная, вязкая и парализующая, лишаящая инициативы. Ее становилось больше и больше. Она заполняла собой все, поглощая. Сожаление и безысходность схватили за горло. Глаза утонули в потоках, еще не успевших превратиться в лед слезах. Будучи не в силах это выносить, я схватила свою сумку и пулей вылетела из дома, оставив Рика одного.

Я опять убегала!

Небрежным жестом Рик смахнул осколки стекла с волос и прошел в комнату, где стоял комод. Он выдвинул верхний ящик и достал оттуда серебряный портсигар. Эта вещь произвела на него неизгладимое впечатление с самой первой минуты, как-только он ее увидел в маленькой антикварной лавке. Редкая драгоценность невиданной красоты. Тонкая работа мастера. Он понял, что хочет получить ее немедленно несмотря ни на что. Хотя совершенно не понимал зачем. Возможно, в этом импульсивном и непрактичном поступке был виноват его внутренний эстет. Портсигар, изготовленный в позапрошлом веке, был инкрустирован драгоценностями. Рик не курил, поэтому вещь была для него бесполезной. Ему нечего было там хранить. Однако стремление завладеть поистине красивой вещицей было неистовым, граничащим с одержимостью. Это была жажда, неукротимая и непреодолимая страсть. Он беззаветно и горячо хотел владеть этим сокровищем, поэтому купил его не раздумывая.

Даже непомерно высокая цена не смогла остановить его. И это несмотря на то, что Рик отличался прижимистостью, если не сказать – скупостью.

Чувствуя раздражение, внутреннее напряжение и тревогу, Рик покрутил портсигар в руках, а затем подошел к окну, чтобы лучше рассмотреть. Последний солнечный луч упал на приоткрытую крышку, и драгоценные камни засияли. Красота немыслимой силы тронула в душе особые струны и зазвучала музыка: дивная, чарующая, слышная лишь ему одному. Вещь была уникальной и поистине бесподобной. Ему нравилось распирающее грудь чувство собственника. Нравилось, что в любой момент он может достать ее из комода и насладиться великолепием, а затем снова убрать в дальний ящик, испытывая пьянящее чувство обладания.

Вот если бы и с людьми можно было так же. Достал, когда надо, насладился, а потом снова убрал, чтобы не мешали. Почему у него так не получается с Лизой? И в самом деле – почему? Этот вопрос донимал с особой назойливостью, раздражал и ужасно бесил Рика.

Глава 3

Ранняя весна бушевала. Яркая и нежная одновременно. Хрупкая, свежая и в то же время стремительная и настойчивая. Ее пьянящие, одуряющие запахи проникали в легкие, будоражили чувства, вызывая смятение, томление и надежду. Пахло влажной землей, свежей, едва пробивающейся листвой и тонкими ароматами только-только зацветающих деревьев, которые, укутавшись в тончайшие парчовые вуали, переливались всеми оттенками изумрудной зелени. Трава упрямо тянулась к солнцу, пробивая себе дорогу сквозь толщу земли. Вся природа устремлялась к свету.

Мне хотелось быть весенним цветком или маленьким, нежным стебельком, яростно стремящемся к солнечному теплу. Слишком долгой и студеной оказалась зима, слишком много холода и тумана окружало меня со всех сторон в последнее время.

Сидя на скамеечке в маленьком сквере, я с трудом осознавала случившееся. Прокручивала ситуацию в голове снова и снова, словно перемалывала зерна старыми заржавевшими жерновами. А вокруг радостно щебетали птицы, и, вселяя надежду, весна настойчиво заявляла о себе. Я же изо всех сил боролась с отчаянием. Борьба оказалась безуспешной. Поддавшись печали я проиграла. Горло сдавил спазм, слезы хлынули водопадом: бурным и безудержным. Позже на

смену эмоциональной буре пришло полное оцепенение, граничащее с отупением, когда чувства, утрачивая восприятие, застывают, а окружающая реальность просачивается сквозь сознание, не оставляя следа. Я превратилась в призрака: прозрачного и невесомого. Время текло сквозь меня не задерживаясь. Пространство раздвинуло свои границы. Я была всем, и я была пустотой. Маленькая, ничего не значащая пылинка, а может, частица чего-то целого, важного, до конца неосознанного.

Тем временем жизнь шла своим чередом, воздух настойчиво звенел, источая пряные, затуманивающие разум ароматы весны, которые упрямо прорывались через плотный занавес пустоты и апатии. А ведь сегодня Белетейн. Праздник Костров. Ночь магии и волшебства. Ночь моих несбывшихся надежд.

Достав из сумочки телефон, я набрала нужный мне номер. В трубке долго раздавались длинные гудки, а потом я услышала знакомый голос:

– Привет, Лиза! Слушаю.

– Виктория, здравствуй! Хотела уточнить, не осталось ли у тебя свободного места на сегодняшнее мероприятие.

– Свободных билетов, увы, нет. Народу будет больше, чем я планировала. А кому нужен билет?

– Мне.

– Ну, для тебя у меня всегда найдется свободное местечко. Приезжай. Буду рада тебя видеть.

– Приеду минут через двадцать.

– Очень хорошо. Когда будешь на месте, позвони, я тебя встречу.

– Договорились, пока.

– Пока.

Через двадцать минут я во второй раз набрала Викин номер.

– Виктория, это Лиза, я у входа.

– Уже спускаюсь. Жди.

Перед тем как убрать телефон в сумку, я отключила звук. Мне не хотелось ни с кем разговаривать. Если вдруг позвонит Рик, я буду вне зоны доступа. Еще пара минут, и дверь распахнулась, представив моим очам Викторию во всем ее блеске и великолепии. Вика, как всегда с роскошной улыбкой, сияла красотой и драгоценностями. Ювелирные украшения в ушах и на шее наверняка с бриллиантами, причем таких размеров, что, предположив их реальную стоимость, становилось страшно выпускать ее одну без охраны на улицу. Платье цвета амаранта робко прикрывало тот необходимый минимум, чтобы его можно было все-таки назвать платьем. Зато все прелести Виктории были щедро выставлены для всеобщего обозрения и восхищения. И в этом была вся Вика.

– Рада видеть тебя, – промурлыкала моя фея.

– Я тоже рада. Очень! Правда! И не смотри так на меня.

– У... да ты никак хандришь? – Вика наморщила малень-

кий носик и манерно надула губки. — Давай рассказывай, что стряслось на этот раз, и почему это ты вдруг заявляешься ко мне, когда у тебя были совсем другие планы на сегодняшний вечер. Что, опять поругались?

— Да, опять поругались, но на этот раз все серьезно.

— У тебя каждый раз все серьезно, а потом с завидным энтузиазмом ты впрягаешься в те же сани и снова бежишь по кругу. Скажи честно, тебе не надоело?

— Надоело. Я ушла от Рика. И, знаешь, мне чертовски тошно от этого. Я вот-вот зареву, а может быть, заору или убью кого-нибудь. Не знаю. Я не нахожу себе места. Мне хочется убежать и спрятаться, чтобы никого не видеть, при этом мне страшно остаться в одиночестве. Я боюсь собственных мыслей. Боюсь, что не выдержу. Именно поэтому я и пришла к тебе, мне надо отвлечься.

— Молодец, что пришла. Сегодня у нас будет весело и народу много. А что касается Рика... Я думаю, ты воспринимаешь его слишком всерьез. Он того не стоит. Черствый, самовлюбленный эгоист, заикленный на собственной персоне. Зачем он тебе? Не понимаю до сих пор. Ваши отношения напоминают военные действия. Причем весьма затянувшиеся. Да, да, и не смотри на меня такими печальными глазами побитой собаки. Ты же знаешь, что я права. Вы постоянно что-то доказываете друг другу, спорите, ссоритесь, обижаетесь и соревнуетесь. Как будто в ваших отношениях совсем нет места добрым и светлым чувствам. Осталась лишь боль,

страдание и вечная, не прекращающаяся битва. Это чудовищный груз, и я рада, что ты избавилась от него. Ладно, мы заболтались! – Вика кокетливо тряхнула головой, и сережки в ее ушах заплясали, рассыпая миллионы искр, отражающих свет заходящего солнца. – Оставь свои проблемы и печали позади, – продолжала наставлять меня Виктория, – сегодня Беллетейн. Ну улыбнись же, Лиза. Вот так. Молодец! А теперь пошли веселиться.

– Хорошо. Пошли.

Я крепко сжала Викину ладошку с длинными аристократическими пальцами своей по-детски маленькой ручкой. Этот жест придал мне уверенности и силы. Два зачарованных мотылька летели на свет, не испытывая страха, лишившись чувства самосохранения. Томление и трепет владели мной в этот момент. Сердце трепыхалось, словно пойманная в клетку птица. Сомнения и боль остались позади. Словно в трансе я перешагнула через них, следуя за Викторией. Она уверенно прокладывала дорогу вперед, приближая меня... К чему? Этот вопрос беспокоил меня больше всех остальных.

Пришлось подниматься по винтовой лестнице на третий этаж. Вокруг было сыро и мрачно. Пахло плесенью и мышами. Но стоило распахнуть входную дверь, как мы очутились в совершенно ином, сказочном мире. Окна, наглухо закрытые плотными шторами, не пропускали ни капли света извне. Создавалось ощущение глубокой ночи. Вместо электрических лампочек здесь использовались свечи, расстав-

ленные повсюду. Свечи различных цветов и форм в самых разнообразных подсвечниках создавали романтическое настроение, наполняя пространство волшебством. Народу и в самом деле было очень много. Все яркие, нарядные, сияющие. Я невольно залюбовалась дивной атмосферой праздника.

– Красиво, правда? – с гордостью произнесла Вика.

Да и было чем гордиться. Все это великолепие было делом ее рук. Она сама оформляла помещение, занималась организацией, продумывала программу праздника. Она была здесь хозяйкой и музой одновременно. Клуб был ее детищем, которого она выкормила, вынянчила и взрастила. Существо, которому Вика без колебаний отдала всю себя. И душу свою, и сердце она вложила сюда без остатка. Сделала то, чего не сделала бы ни для кого в этом мире.

Мы шли по узенькому коридору в самую дальнюю комнату, а мимо нас подобно ярким тропическим бабочкам проносились нарядные девушки. Комната оказалась небольшой, но уютной, с единственным окном, также плотно занавешенным тяжелыми шторами красивого шоколадного цвета. Я заметила, что весь интерьер был выдержан в изумительных, благородных оттенках коричневого. Атмосфера располагала к наслаждению. Хотелось упасть на мягкий плюшевый диван, ощутив его нежный ворс обнаженной кожей. По бархатистым коврам хотелось ходить босыми ногами, а к шелковым струящимся шторам осторожно прикасаться пальцами.

Находиться здесь – будто тонуть в шоколаде, пробовать его на вкус, прикасаться к нему, ощущать кожей.

– Тебе все-таки придется привести свой внешний вид в соответствие, – произнесла Виктория. – Начнем с обуви. Думаю, что не удивлю тебя, если скажу, что твои туфли просто кошмар и совершенно неуместны в данном случае.

– О, зато они ужасно удобные.

– Они действительно просто ужасные. С этим я не спору, снимай.

Пришлось послушно скинуть обувь. Мои любимые и очень удобные туфли с тупым носиком на низеньком каблучке, конечно же, не предназначались для вечеринок.

– Я что, сегодня буду эталоном экстравагантности, щеголяя без обуви?

– Наденешь мои. У нас с тобой один размер обуви, насколько я помню, – и Вика коротким пинком вытолкнула из-под стола совершенно бесподобные туфли на высоких каблуках. Они словно ждали здесь именно меня!

– Надевай, не стой как вкопанная.

Я надела.

– Спасибо.

– Не за что. Это еще не все. Теперь платье.

– Ну, тут у нас с тобой разные размеры, а разгуливать в одном белье я не собираюсь.

Моя одежда немедленно подверглась внимательному до-

смотрю.

– Юбку можешь оставить, а вот рубашку снимай, она безнадёжна. Наденешь вот эту, – и моя спасительница достала из шкафа кремовую блузку с глубоким вырезом из тончайшего кружева и парчи. – Ну вот, совсем другое дело. Очень женственно и элегантно.

Таков был вердикт главного критика.

– Да... и твой макияж, конечно же. Думаю, что в этой огромной сумке найдется косметичка.

Я кивнула.

– Тогда доставай. Вот тебе зеркало. Располагайся. Когда будешь готова выходи. И не засиживайся долго, пожалуйста. А я пошла к гостям.

Несмотря ни на что, я все-таки засиделась. Мне было очень грустно, очень тоскливо. Боль и обида крепко держали за горло, не отпускали. Душа, будто разорванная на части, истекала кровью. Хотелось выть, а придется улыбаться. Глаза в который раз за сегодняшний вечер наполнились слезами. Ну уж нет! Рик – не единственный мужик на планете. Он без меня прекрасно развлекался, теперь настала моя очередь веселиться без него. Мысль о том, что это напоминает банальную месть, в тот миг не пришла мне в голову. Я убрала зеркало. Сумку поставила в шкаф и закрыла его на ключ. Ключ положила себе в карман.

Каблуки погружались в мягкий и глубокий ворс ковров. Я летела на звуки музыки и голосов с тем же бесстрашием

и азартом, с каким мотылек летит на яркий свет или огонь. Навстречу мне выпорхнули две девушки. Две милые, яркие птахи-щебетуны. Они непрерывно чирикали и весело смеялись.

– Привет, – сказала одна из них, и улыбка расцвела на ее лице как яркий, дивный цветок.

Я поздоровалась с обеими, хотя готова была поспорить, что ни одну из них прежде не встречала. Глядя на их беспечные, светящиеся счастьем лица, я невольно заулыбалась в ответ. Осколок льда в груди дал трещину и начал таять.

Вот и главный зал. Он утопал в свечах, цветах и фруктах. Не зная, куда пойти и что сделать, я остановилась, чтобы оглядеться. Народу было много, очень, но при этом ни одного знакомого лица. Беспокойство нарастало, неуверенность и тревога пульсировали в висках вместе с музыкой. Звучала очень красивая мелодия. Нежная, трогательная и печальная, она казалась удивительно знакомой. Я где-то слышала ее и, возможно, не раз. Но вот только где?

Я напрягала память, пытаюсь вспомнить. Взгляд упал на синтезатор, расположенный в конце зала. А около него на табурете спиной ко мне, ссутулив плечи, сидел высокий начинающий лысый парень. Это был Гром. Громов Петр, по уши влюбленный в музыку. Гром был моим лучшим другом, а еще он приходился мне каким-то дальним родственником. Отношения у нас были поистине братские. Мы прекрасно понимали друг друга и отлично ладили. Когда же я видела

его в последний раз? Наверное, год назад. Я задумалась и в этот миг в полной мере ощутила, как сильно мне не хватало этого человека. Я скучала по его сарказму, по его критике, по его юмору, по непрошеным мудрым советам и, конечно же, по его музыке. Поэтому, тотчас же, не раздумывая, я взяла курс на синтезатор. Пробраться в противоположную сторону зала оказалось непросто: здесь было полно народу.

Пока я протискивалась сквозь толпу, черноволосая де-вушка в длинном лиловом платье очень больно наступила мне на ногу. Хотелось верить, что сделала она это не нарочно.

– О, извини! Пожалуйста, извини меня я... я не хотела, – блеяла лиловая.

А я хоть и взывала от боли, улыбнуться все же попыталась, исключительно из вежливости.

– Да, ладно. Хорошо, что не убила и не затоптала, – ответила я с излишним, как мне показалось, великодушием.

Охромев на одну ногу, мне пришлось развернуться в противоположную сторону, чтобы продолжить свое продвижение к намеченной цели. Не тут-то было. На меня налетел молодой человек в светлой рубашке. Не выдержав напора, я покачнулась и упала, сильно ударившись спиной о стоявший неподалеку столик с фруктами и напитками.

Молодой человек, не ожидавший от меня такой податливости, споткнулся, но на ногах все же удержался. И тут же совершенно бесцеремонно оттоптал мне другую ногу. Неуди-

вительно, что от моей выдержки и любезности не осталось и следа! Я взвыла, не помня себя от боли и досады.

– Твою мать! Вот, дерьмо! – вопила я. – Вы тут что, все сговорились, решив меня покалечить?! Какого хрена ты не смотришь, куда прешь, придурок?!

– Извините, пожалуйста. Я вовсе не хотел, – смущенно проговорил парень.

– Плевать я хотела на твои извинения, придурок! Ты же мне, наверное, все пальцы на ноге раздробил! Топтоног фигов! Одна безмозглая курица налетает на меня, топчется по моим ногам, но это еще не все, потому что появляешься ты и пытаешься добить! Нет, извини, дотоптать! И как я, потвоему, буду теперь ходить?

– Во-первых, позвольте представиться. Меня зовут Тим.

– Плевала я на то, как тебя зовут!

– И все же обращение «придурок» мне как-то не по душе, а вы уже дважды использовали его. И, во-вторых, позвольте осмотреть вашу ногу. Может быть, кости все-таки не повреждены, как вы утверждаете, и дело обошлось обычным ушибом, поэтому имеет смысл приложить лед.

Попытка встать не увенчалась успехом. Я зашипела, поморщилась и тоненько заскулила. Тем временем, кто-то услужливо подsunул мне маленькую низенькую скамеечку, на которую я смогла перебраться и выдохнула с огромным облегчением.

– Ну что ж, все-таки давайте вашу ногу, – и, не дожидаясь

моего одобрения, Тим уселся напротив и приступил к осмотру. – Не могу утверждать наверняка, но готов поспорить, что кости целы. Скорее всего, это сильный ушиб. О, а вот и лед подоспел. Давай сюда, Катя, я сам приложу.

Его пальцы едва коснулись моей голени... Тепло электрическим током побежало по венам.

– Откуда, интересно, такая уверенность, что это всего лишь ушиб? – язвительно заметила я.

– Конечно, без рентгенологического снимка я могу только предполагать, но, опираясь на опыт врача хирурга-ортопеда, я просто обязан поставить вам предварительный диагноз. И вот вам мой вердикт: небольшой ушиб и огромная паника, граничащая с истерикой. Ну, куда вы вскакиваете?! Посидите хоть немного, а я подержу вам лед. У вас и гематома-то совсем небольшая, десять минут спокойствия и все пройдет. И еще, был бы весьма вам признателен, если бы вы назвали мне свое имя. Так, знаете ли, гораздо проще общаться.

– С чего ты взял, что я вообще хочу с тобой общаться?

– Возможно, конечно, что вы не в восторге от сложившейся ситуации, которая, безусловно, не располагает вас к дружеской беседе со мной, но я был бы безмерно счастлив узнать ваше имя.

– В самом деле, сложившаяся ситуация не только не располагает к дружеской беседе, но еще и крайне раздражает меня. Так что лучше заткнись и вообще, катись ты со своей вежливостью и со своим общением куда подальше!

После подобной реплики лицо у Тима заметно вытянулось, превратившись в каменную, непроницаемую маску. Он был явно шокирован.

«Плевать», – подумала я. Мне и на самом деле было все равно.

– Лиза, дорогая, что случилось?! – воскликнула материализовавшаяся из ниоткуда Виктория.

– Не волнуйся, ничего страшного не произошло. По крайней мере, так утверждает вот этот специалист, – и я грубо ткнула пальцем в сторону Тима. – Так вот, он утверждает, что у меня небольшой ушиб и огромная паника. Поэтому он назвал меня истеричкой. Паника и истерика мои, конечно же, не обоснованы. Действительно, а чего переживать-то? Мне оттоптали ноги, теперь я не могу ходить, и вообще, по видимому, мне придется тихонечко просидеть всю ночь на стульчике в каком-нибудь темном и неприметном уголке, мило подрыгивая покалеченными ножками. Все это не стоит ни волнения, ни беспокойства. Так, ничего не значащая ерунда! Поэтому ситуацию я должна принять с глубоким смирением, великодушием и огромной всепрощающей любовью в сердце к потенциальным обидчикам, скромно опустив голову и потупив глазки. Ведь именно так я должна поступить, чтобы меня не заклеямили истеричкой?! Да?!

– Я не имел в виду ничего подобного.

– Правда? А что же ты тогда имел в виду, называя меня истеричкой?!

– Я не называл вас истеричкой. Я только сказал, что у вас незначительный ушиб и огромная паника, граничащая с истерикой.

– Плевала я на то, что ты сказал!

– Ладно, Лиза, уймись, – поморщила носик Виктория. – Тим, все действительно так серьезно?

Тот скромно улыбнулся.

– Здесь, безусловно, есть небольшой ушиб, но если Лиза спокойно посидит несколько минут, предоставив мне возможность поддержать лед, думаю, все обойдется.

– Лиза, ты в надежных руках. Все будет в порядке. Просто будь умницей, посиди спокойно. Пусть наш доктор делает свое дело. Дай, в конце концов, ему возможность заглядывать перед тобой свою вину, – и с этими словами Виктория упорхнула.

Какое-то время мы сидели молча, погруженные в пустоту. Словно пребывая в вакууме. Я практически ничего не чувствовала, ни о чем не думала. И все же... И все же я не могла игнорировать прикосновение холодного пакета со льдом к ушибленному месту и едва уловимые касания горячих пальцев. Лед и огонь. Подумать только, какое противоречие.

– Теперь, я думаю, можно попробовать встать, и не нужно бояться опираться на ушибленную ногу. Поэтому давайте наденем туфельку и посмотрим насколько восстановилась ваша ножка, – сообщил мне Тим, смущенно опустив глаза, затем убрал лед с моей поврежденной ноги. – В противном

случае, я готов весь этот вечер носить вас на руках, чтобы загладить свою вину.

– Прекрати нести чушь, – грубо огрызнулась я.

Я забрала обувь из его рук, надела ее и попыталась встать. Было больно, но вполне терпимо. Я поняла, что вечер для меня не потерян, ходить и, возможно, даже танцевать я сегодня смогу.

Тим не растерялся и предложил:

– Может, потанцуете со мной, Лиза? Заодно, проверим дееспособность поврежденной конечности.

Такой нежный, такой трогательный, такой искренний. Я не выдержала. Сердце дрогнуло.

– Спасибо тебе за помощь... Тим, не сердись на меня. Просто у меня сегодня был очень тяжелый день, да и вообще... Столько всего приключилось, что я... что меня... меня прямо-таки понесло. И ты не виноват. Это я... Из-за меня... Одним словом, не сердись, пожалуйста. Ладно?

– Ладно. Проехали, – и он улыбнулся. Тепло и по-дружески.

Я рассмеялась.

– Извинения приняты, а теперь, когда между нами воцарился мир, я приглашаю тебя на танец, – Тим подошел ко мне ближе, его рука оказалась у меня на талии. Он властно и по-хозяйски притянул меня к себе. Признаюсь, эта самоуверенность смутила меня. Но выход быстро нашелся.

– Нет, – ответила я и убрала его руки.

– Нет?! Но почему?

– Потому что я очень спешу к тому парню. Видишь? Вон там, в конце зала. Он сидит за пультом. – И я махнула рукой в ту сторону, где Гром с увлечением извлекал чудесные звуки из синтезатора.

– Ну раз ты спешишь, я просто не смею тебя больше задерживать, – он сказал что-то еще, но я его уже не слышала.

Лихо орудуя локтями, я пробиравлась к человеку, которого без колебаний могла назвать... назвать – кем? Он был для меня всем: другом, братом, отцом, близким и надежным товарищем. Короче говоря, он был для меня душой. Моей родной душой.

Тим остался один. Он стоял удивленный и ошарашенный, немного раздавленный моей бесцеремонностью и внезапностью. Ужасно, но мне было все равно, мне было наплевать, потому что я мчалась навстречу человеку, в обществе которого обретала покой и душевное равновесие.

Гром сидел спиной ко мне и листал ноты. Не в силах более сдерживать кипевшие во мне эмоции, я бросилась ему на шею и чуть не задушила в объятиях.

– Гром, милый Гром! – вопила я, семеня ногами, не обращая внимания на ушибленную ногу, перекрикивая громящую музыку.

Недоумение в глазах музыканта длилось всего несколько мгновений, а потом он узнал меня. Резко соскочил с табурета, подхватил на руки и закружил, как тряпичную куклу.

– Лиза, куколка, как я рад тебя видеть! – пробасил Гром.
А я... Я же просто глупо улыбалась.

– Ужасно рад тебя видеть, – повторил Гром.

– Ты это уже говорил.

– Ну и что! Когда мы виделись с тобой последний раз?

Где-то год назад?

Я кивнула.

– Ты, как всегда, обворожительна. Только вот глаза. Глаза у тебя как у побитой собаки. Что-то произошло? Что-то серьезное? Давай, рассказывай, – и Гром глубоко вздохнув, уселся на табурет, приготовившись внимательно слушать.

– Я ушла от Рика. Сегодня. Прямо сейчас. Кажется, у меня получилось, но я до сих пор не могу в это поверить, и мне до того тошно, что хочется кричать и кого-нибудь прибить.

– Ну и....

– Что: «ну и...»?

– Может, все-таки попытаешься объяснить мне, что тебя на самом деле тревожит.

– Знаешь, думаю, история самая банальная и заурядная, чтобы о ней рассказывать.

– Тем не менее, я с удовольствием послушаю эту банальную и заурядную историю.

– Наверное, я просто устала. Устала от его холодности, невнимания, пренебрежения. Сегодня мы договорились побыть вдвоем, но позвонили его друзья, куда-то позвали, и он очень быстро поменял планы. И, как ты понимаешь, не в мою

пользу. Я почему-то всегда оказываюсь для него на вторых ролях.

– А ты бы хотела быть на первых.

– Да, только и исключительно на первых.

– Понятно. Тебя бесит, что каждый раз он выбирает не тебя?

– Именно.

– Послушай, мне кажется, все дело в том, что ты ждешь от него того, что он в принципе тебе дать не может. Это, кстати, тебя тоже касается. Потому что он тоже хочет видеть в тебе ту, кем ты, по сути, не являешься. Вы обманулись. Оба. Просто обманулись друг в друге, и все. Ваши отношения были наполнены иллюзиями и несбывшимися надеждами. Одни мечты и сплошное разочарование. Поэтому, когда его поступки идут вразрез с твоими представлениями, ты начинаешь нервничать, злиться, раздражаться. С ним происходит то же самое. На мой взгляд, это неправильно. Ты не можешь заставить другого человека любить и уважать себя. Не можешь заставить его быть другим и вести себя так, как хотелось бы тебе. Он то, что он есть. Не больше, не меньше. Нравится тебе это или нет. Ты либо принимаешь его таким, какой он есть, либо уходишь. Попытки выдавить из него что-либо или как-то его перековать ведут в никуда. Ты же все это время пыталась навязать Рику свою модель поведения, и мне абсолютно не понятно, почему сопротивление с его стороны вызывает у тебя негодование. Он всего-навсего отста-

ивает свое право свободного выбора, и это нормально. Понимаешь, сейчас Рик не готов возвести тебя на пьедестал. Ты для него важна, но не настолько, насколько тебе бы этого хотелось. Я прекрасно знаю Рика и с уверенностью могу тебе сказать, что для ощущения полноты жизни ему просто необходимы многие и многие другие. Он никогда не насытится одной тобой. Таков Рик и с этим ничего не поделать. Ты никогда не будешь для него главной и единственной. Звучит страшно, как приговор. Знаю, но факт остается фактом, нравится тебе это или нет. Ваши отношения зашли в тупик. Возможно, они там были с самого начала. Ты правильно сделала, что распрощалась с ним, но глядя на тебя, я вижу, что ты сожалеешь о разрыве. А сюда ты пришла, чтобы заглушить боль. Поэтому, пока ты не наломала дров, хочу предупредить тебя о том, что мимолетная интрижка сегодняшнего вечера не принесет тебе ни радости, ни удовлетворения, одни лишь сожаления и разочарования в будущем. Не стоит, выбравшись из одного омута, тут же с головой нырять в следующий. Просто дай себе время залечить душевные раны, понять и осознать свои ошибки, вернуться к себе настоящей. Разложи мысли по полочкам, а из сердца выкинь ненужный хлам, и поверь мне, тогда жизнь наладится сама собой. Подумай, пожалуйста, об этом и постарайся взглянуть на проблему с другой стороны.

– Спасибо, тебе, Гром, ты как всегда прав. Я согласна с тобой во многом...

– Во многом? А я-то думал, что прав во всем, – и Гром наградил меня хитрой улыбкой. – Ладно, не надуй губы, просто на досуге поразмысли об этом, а сейчас я предлагаю тебе сходить вон в тот эркер. Там целая гора всевозможных вкусов, я же помню, что ты обожаешь сладости. Сегодня у тебя был тяжелый день, так что, иди и порадуй себя. Но не переусердствуй, ладно? Обещай, что будешь умницей.

– Обещаю.

С трудом, пробравшись в указанный Громом эркер, я замерла от восхищения. Какое великолепие! Небольшое помещение, погруженное в полумрак, стены, задрапированные плотными гардинами винного цвета. Повсюду расставлены свечи. Магический танец света и тени повсюду. Множество маленьких кругленьких столиков на витиеватых ножках, покрытых расшитыми золотом скатертями, буквально ломились от изобилия. Чего здесь только не было: фрукты, всевозможные закуски, салаты, мясные и рыбные блюда, а главное – сладости! Мои любимые сладости самых различных сортов и видов! Угощения находились в небольших вазочках и тарелочках удивительной красоты. Сервировка и убранство зала были образцом тончайшего вкуса.

Выбрав столик с самыми аппетитными, на мой взгляд, угощениями, я приступила к дегустации. Несмотря на экзотический вид, пирожные оказались восхитительными на вкус, хотя я не обнаружила в них ни одного знакомого ингредиента, что, впрочем, не помешало мне опустошить почти

всю вазочку из прозрачного стекла. Процесс увлек настолько, что я не услышала приближающиеся шаги. Лишь показавшийся знакомым голос вывел меня из гастрономического экстаза.

– Приятного аппетита, – раздалось из-за спины.

Резко обернувшись, я увидела Тима. Он застал меня врасплох, поэтому кусочек только что откушенного, но еще не прожеванного пирожного провалился в желудок, осев в нем тяжелым камнем. Я поперхнулась и закашлялась.

– Не хочешь запить сладкое? – и Тим протянул мне фужер, наполненный янтарной жидкостью.

– Охотно, – я приняла фужер, мгновенно опустошив его. Не помогло. Я закашлялась снова.

– Предлагаю выпить за здоровье твоих ног, – пафосно провозгласил Тим, отобрал у меня пустой фужер, наполнил его и протянул снова. Ситуация показалась мне глупой и угрожающей одновременно. Тем не менее, я выпила все почти залпом, почувствовав заметное облегчение.

– Ну и как себя чувствуют ножки?

– Сносно, – ответила я и отступила на шаг.

Не помогло. Тим приблизился почти вплотную. Его рука прикоснулась к моей щеке, и задержалась там дольше, чем следовало. Так мне, во всяком случае, показалось. Я напряглась. Все это банально до безобразия. Я прекрасно понимала, что он сейчас сделает и какие слова произнесет, лишь бы сократить расстояние между нами. Ну уж нет, дорогой, со

мною у тебя ничего не выйдет!

– У тебя была крошка на щеке.

«Ха, я и не сомневалась, что ты скажешь нечто подобное!»

Я опустила глаза и отступила на шаг.

– Я обидел тебя? Ты меня боишься?

– Нет, ты не обидел меня, и я тебя не боюсь. Я боюсь только себя и своих демонов, – что-то в его голосе побудило меня стать откровенной.

– Мне непонятно, что ты имеешь в виду.

– Я имею в виду, – и глаза мои сверкнули зеленым огнем, – что мы слишком часто сталкиваемся с тобой сегодня, и еще ты слишком близко ко мне подходишь. Меня это, знаешь ли, напрягает.

– Тогда расслабься, я ведь не укушу тебя.

– Правда? Зато я могу покусать тебя, – почти шепотом произнесла я. – Тебе не страшно?

– Нет.

Было очень тихо. Минуты отбивали ритм, пульсируя в пламени свечей, отбрасывая повсюду замысловатые тени. Но вот, неожиданно для меня, время в очередной раз замерло, притворившись расплавленным воском на золоченых подсвечниках. Мы оба молчали, изучая друг друга, а между нами разверзлась пропасть, которую каждый пытался по-своему преодолеть. Его губы у самого лица шепчут «пойдем». Я иду за ним, загипнотизированная волшебством момента. Окружающий мир резко сжался. В нем есть место только для

двоих.

Хлопок закрывающейся двери. Скрежет поворачиваемого в ней ключа. Куча одежды на полу. Маски сброшены. Толчок. Прикосновение спины к мягкому покрывалу. Волна мурашек накрыла с головой, растеклась по коже липким ручейком. Горячее дыхание обжигает. Огонь повсюду. Он окружает и пожирает. Он повелевает и не отпускает. Невыносимая радость и не переносимая боль соединяются в измученном сознании, готовые вырваться наружу потоком неконтролируемых эмоций. Его руки, его глаза, его губы окружают меня со всех сторон. Я в западне. Мне негде спрятаться. Некуда убежать. Тим поглощает меня, пытаюсь растворить в себе. Хочет заставить быть частью его бытия. Я должна, нет, я хочу подчиниться его напору, его страсти... Но я не могу. Не могу впустить этого человека в свое сердце, в свою душу, в свое тело. Что-то держит меня, не позволяя. Может, это Рик? Все эти мысли пролились слезами, потушив, яростно бушевавшее пламя.

– Ты плачешь? Я сделал тебе больно? Прости.

– Нет, больно мне сделал не ты.

Я вытерла слезы и попыталась подобрать свою одежду с пола. Огненный цветок страсти увял, оставив место грусти и сожалению.

– В чем дело? – Тим схватил меня за руки и резким движением усадил на диван. – А ну-ка рассказывай, что с тобой происходит?

– Ты не первый человек, который сегодня спрашивает об этом.

– Не увиливай от ответа, пожалуйста. Все было волшебным, чем же я обидел тебя?

– Я ведь сказала, что обидел меня не ты.

Пауза. Тишина ластится, прилипает к коже.

– Не я. Что ж, уже неплохо, – Тим медленно растягивал слова. – Не буду спрашивать, кто это сделал. Но все же, после того, что было здесь минуту назад, ты не можешь просто так встать и уйти.

– Ошибаешься, потому что именно это я и сделаю. Просто встану и уйду, – глухо пробубнила я.

– Я не позволю, – Тим встал и загородил дверь.

Горевшие в комнате свечи золотили кожу на его плечах. У меня закружилась голова от возбуждения. Мне отчаянно хотелось сгореть в этом огне дотла. Уходить и в самом деле ни капельки не хотелось. Но Гром был совершенно прав, мимолетная интрижка сегодняшнего вечера не принесет мне ничего кроме огорчения и разочарования.

– Ты позволишь мне уйти, – мой голос вибрировал от раздражения и усталости. – Все, что происходило здесь минуту назад, было прекрасно, почти сказочно. Но это всего лишь иллюзия, мираж, который не имеет никакого отношения к реальности. Эта история без начала и продолжения. Маленький ничего незначащий отрезок времени. Выйдя за пределы этой комнаты каждый, из нас продолжит свой путь, и я не

хочу, чтобы этот путь был омрачен сожалениями и разочарованиями. – Тим молча смотрел на меня и не двигался, а я продолжала: – Моя жизнь только что раскололась на куски. Я сама как кристалл замерзшей воды с острыми и холодными краями. Не хочу поранить тебя, не хочу пораниться сама. Поэтому мне лучше уйти и сделать это прямо сейчас. Прости, что не оправдала твоих надежд, но ты все еще можешь исправить, здесь полно прекрасных девушек.

– Парадокс, но я не хочу ни одну из них, – прошептал Тим.

Сделав вид, что не расслышала его слов, я подобрала одежду с пола и начала одеваться.

– Что я должен сделать, чтобы ты осталась? Просто осталась. Я не дотронусь до тебя даже пальцем. Пока ты сама этого не захочешь.

– А что, если хочу, чтобы ты дотрагивался до меня?! Что, если я хочу, чтобы ты схватил и не выпускал меня, даже если я буду отчаянно сопротивляться?! Но в том-то и дело, что если ты это сделаешь, я возненавижу тебя за это, а себя возненавижу за то, что позволила тебе это. Это тупик. Поэтому мне лучше уйти отсюда. Не морочить голову ни тебе ни себе. Причем, чем скорее я это сделаю, тем лучше. Давай погасим свечи и скажем друг другу – прощай!

Я взялась за дверную ручку.

– Стой! – в его голосе прозвучало настоящее отчаяние.

Вздвогнув, я остановилась и оглянулась. Наши взгляды скрестились. Так встречаются друг друга враги. Оценивают

соперника, вычисляя слабости. В ушах раздался звон, будто удар стали. Тим наткнулся на непробиваемую решительность и отчаяние. Он отвел глаза, опустил голову. Слова были не нужны. Все стало ясно без слов. На свете нет такой силы, которая способна удержать меня где бы то ни было против моего желания. Это мое наказание, мое проклятие или, возможно, благословение.

– Пойду, поищу Викторию. Попрошу ее проводить меня, – слова зависли в пустоте и поплыли в невесомости. Прикосновение холодных губ к пылающей щеке.

– Пока.

– Не уходи.

– Не могу.

Я отвернулась, щелкнула ключом в замке и тихонько вышла.

Пробираясь по коридорам, я прикидывала степень вероятности своего незаметного исчезновения из этого заведения. Прийти сюда было ошибкой. Гром был прав. От себя убежать невозможно, и я только что убедилась в этом. Значит, лучше всего уйти тихо и незаметно. Искать Викторию бесполезно, она вряд ли отпустит меня так просто, начнет задавать вопросы, будет уговаривать остаться. Что-либо объяснять мне совершенно не хотелось, да в этом не было необходимости.

Вот и главный зал. Я осторожно заглянула внутрь. Народу было море, мне показалось, что здесь собрались все пригла-

шенные. Неудивительно – с минуты на минуту зазвучит музыка. Гром сидел на табурете перед синтезатором, перелистывая ноты. Отыскав нужное произведение, он приступил к исполнению. Музыка – сродни магии, творит волшебство. Она проникает в душу, срывая многочисленные заслоны, заставляя пульсировать сердце.

Музыка звенела, а свечи мерцали. Нестройные тени водили на стенах хороводы. Я стояла, прислонившись к косяку, погруженная в волшебный мир звуков и образов. Блуждая по коридорам собственного сознания, я потеряла не только счет времени, но и чувство принадлежности к конкретному месту.

Но вот мелодия отзвучала, зал взорвался аплодисментами. Я выплыла на поверхность реальности. Пора уходить. «Пока, милый Гром. Пока и спасибо тебе!» – шепотом, едва слышно проговорила я. Повернувшись спиной к главному залу, я начала выбираться отсюда, решив, что сейчас самое подходящее время для побега.

Глава 4

Рик сидел мрачный и злой в компании своих приятелей. Всем было весело, в то время как он был явно не в себе, а виной тому эта чертова баба! Ведь умеет перевернуть все с ног на голову, разбередить душу, вывернуть наизнанку, да так и оставить. Какова стерва! У нее просто талант, заставлять чувствовать себя виноватым. Так происходит постоянно: он по уши в дерьме, а она всегда в шоколаде, такая милая, несчастная овечка. Униженная и оскорбленная.

Надо же. Тварь! Вечно ее что-то не устраивает. Шагу спокойно не дает ступить. Везде сует свой длинный нос. Постоянно пытается привязать к своей юбке. Как будто он не мужик, как будто не хозяин собственной жизни. Придушил бы гадину! А лучше бы... врезал сейчас кому-нибудь. Ярость в нем клокотала, не находя выхода. И угораздило же его с ней связаться. Идиот! Самый настоящий идиот, вот он кто. Вокруг полно шикарных цыпочек с покладистым характером, а он связался с мегерой. Да, у нее явно стальные яйца. Жизнь с ней как изнуряющая, непрерывная война. Он устал! Чертовски устал от этого. Ему явно нужен перерыв, чтобы справиться с мыслями и принять решение как жить дальше.

– Рик, ты выглядишь так, словно проиграл последние деньги. Прекрати уже. Выбрось эту девку из головы. Давай мы найдем тебе другую, намного лучше? – шепелявил Вань-

ка заплетающимся языком. — Вон смотри, какие девчонки напротив сидят. Тебе какая нравится? Давай, выбирай. Сейчас мы тебя познакомим! — и Ванька нетвердой походкой зашагал к соседнему столику знакомиться, по пути налетая на столы и стулья.

Рик посмотрел на девок. Милые, смазливые, ухоженные. Они улыбались и откровенно кокетничали, ловя заинтересованные мужские взгляды. Скорее всего, девчонки не очень умные, судя по тому, как вызываяще они начали вести себя: манерно надувать губки, закатывать глазки, оголять плечики. А одна вон, видимо, самая смелая, сбросила туфли, откровенно и призывно демонстрируя голые ступни. Да, понятно. Доступные, пустоголовые телочки, не отягощенные морально-нравственными принципами. Ужасно предсказуемые и, по-видимому, доступные. Легкие и беззаботные мотыльки. Ну и ладно. Так даже лучше. Хватит с него! Надое-ло!

Его откровенно достала эта умная, чересчур сложная, совершенно непостижимая фурия. Она пугала его и своими мыслями, и внутренним миром, куда Рику было откровенно страшно заглядывать. Да, он робел перед ней! Всегда! Постоянно чувствовал себя в ее присутствии сопливым школьником. Непостижимая, глубокая и таинственная. Это и пугало и притягивало одновременно, а сейчас просто надоело. Он устал, как устаешь от постоянного потребления изысканных блюд, сервировки, этикета, и уже хочется наконец сожрать

какую-нибудь сомнительную шаверму из ларька, немытыми руками в грязной подворотне. Так что эти простые, без затей, девицы пришлись как нельзя кстати. С ними все предельно ясно и просто.

Решив для себя эту задачу, Рик отправился покорять новые бастионы, на стенах которых изо всех сил размахивали белыми флагами.

– Привет, девчонки, – проворковал Рик, по-хозяйски приобняв худенькую миловидную блондиночку.

– Привет, – нестройным хором промурлыкали девицы, а выбранная Риком блондинка тесно прижалась к нему, всем своим худосочным телом, поощряя его на дальнейшие подвиги.

Глупо отказываться от столь лакомого кусочка. Тем более, когда он сам норовит запрыгнуть тебе в рот. Кожа у девицы была нежная, гладкая, бархатистая. Рик очень осторожно, медленно, едва прикасаясь провел по обнаженной спине. Ей понравилось. Несомненно. Она выгибалась словно кошка и если бы была ею, то заурчала и задрала бы хвост. От подобной реакции Рик расцвел, и плохое настроение моментально исчезло. Он тут же забыл про Лизу, словно ее и не было никогда в его жизни, а все проблемы, связанные с ней, на удивление легко и быстро, вылетели из головы. А самое главное – никаких угрызений совести. Все складывалось просто, легко и очень естественно.

Деваху звали Юлей. В ней удивительным образом сочета-

лась детская наивность и развязность. Совсем молоденькая. На первый взгляд младше Лизы. Хотя утверждать это наверняка Рик не стал бы. Эти женщины и их возраст – вечная головоломка для мужчин. Сладостным и бесценным было то, что рядом с ней он ощущал себя взрослым и опытным. Это льстило самолюбию, поднимало самооценку.

Юля буквально смотрела ему в рот, не перечила, не перебивала, не высказывала свое мнение, как это постоянно делала Лиза, со всем соглашалась и не забывала глупо улыбаться, хлопая длинными черными ресницами. Вот с Лизой он вечно чувствовал себя сопляком. Ей постоянно удавалось брать верх над ним все время и по любому поводу, а ведь она была моложе. Эта ее способность всегда бесила и выводила из себя. Малышка Юля оказалась живительным эликсиром для истерзанной, израненной, разорванной в клочья мужской самооценки. Эликсир оказался на удивление легким, нежным и сладким на вкус. Среди прочих вкусов и ароматов сладкие Рик у нравились больше остальных.

Все складывалось само собой и выглядело естественно. Рик не заметил, как оказался у Юли дома.

– Раздевайся и проходи. Не стесняйся. Куртку можешь оставить на тумбе. Вешалки у меня нет. Хочешь, я приготовлю коктейли или просто выпьем пиво? Чего тебе хочется больше?

«Тебя, – хотел ответить Рик. – Тебя мне хочется больше всего остального, именно за этим я сюда и приехал».

Но вслух произнес:

– Давай пиво, – сегодня его тянуло к простоте грязного переулка. Изысканные напитки давно надоели.

– Возьми, пожалуйста, в холодильнике и проходи в комнату, я пока переоденусь.

– Надеюсь, ты выпьешь со мной?

– Конечно.

Рик мрачный, напряженный, настороженный, как хищник, побрел на кухню. Совсем крошечная, но довольно уютная кухонька с розовыми шторками в цветочек, казалась игрушечной и сильно смахивала на домик куклы Барби: розовые салфеточки, мягкие плюшевые подушечки, кастрюли на плите тоже были розового цвета, розовые шкафчики, маленькие резные стульчики вокруг столика с розовой скатертью. Рик забрался в холодильник, нашел там две банки пива и отправился обратно в комнату в надежде застать Юлю во время переодевания.

Удивление было приятным, но все-таки его застали врасплох, отправив сердце в бешеный галоп. Рик вздрогнул, немного пива вылилось на рубашку.

Юля сидела на стуле посреди комнаты совершенно обнаженная, не считая чулок и туфель на высоченных каблуках. Яркая, вычурная красота. Нежная и развязная одновременно. Электрический разряд теплом побежал по мужскому телу, накрывал горячей волной желания, тревожил, будоражил, волновал, настойчиво призывал к действию. Терять

время не имело смысла. Все и без того предельно ясно, просто и понятно. Именно так все и случилось: быстро, легко, без лишней суеты и сантиментов. Оба остались довольны. Оба получили ровно то, к чему стремились.

Спустя время, лежа в кровати и наблюдая за спящей девушкой, Рик пытался разобраться в случившемся. Да, было хорошо, и он ни секунды не жалел о случившемся. Девчонка оказалась хороша по всем статьям, чего и говорить. Нет, он не чувствовал себя ни предателем, ни прелюбодеем. В конце концов, Лиза сама виновата. Жизнь с ней превратилась в настоящее испытание. И это исключительно ее рук дело. Он устал от этого. Очень сильно устал.

Теперь стало совершенно понятно, что к примирению он не готов. По крайней мере, пока, а там видно будет. Но появившись дома, встреча с Лизой окажется неизбежной, а вместе с ней неизбежными будут и объяснения. Этого ему хочется меньше всего. Значит, нужно повременить с возвращением домой. Пару дней можно переждать бурю у Ивана. Точно! Это выход. С Юлей он, пожалуй бы, еще встретился, и не раз. Девчонка пришлась ему по вкусу. Но оставаться до утра ему решительно не хотелось. Утренняя встреча может все испортить. Поэтому Рик аккуратно вылез из кровати, стараясь не разбудить девушку. Собрал свою одежду, тихонько оделся и ушел. Не оставив после себя ничего, кроме воспоминаний.

Ночь – полноправная хозяйка, безраздельно владела горо-

дом. Она укутала его темным пурпурным покровом и призывно тянула свои нежные, бархатистые пальцы к неспящим еще горожанам, едва прикасаясь к их самым сокровенным мыслям, самым смелым желаниям и самым ярким, обострившимся чувствам. Сейчас все казалось нереально призрачным. Не таким, как днем. День и ночь – два разных мира, две параллельные, не пересекающиеся друг с другом вселенные, берущие начало из разных истоков. Ночь наполняла душу иллюзиями, мечтами, фантазиями, погружала в тягучую негу чувств, ощущений, переживаний, открывала двери в тайные миры подсознания. В то время как день отрезвлял разум логикой, здравым смыслом, рационализмом и суетой, сметая иллюзии с поверхности сознания, как сметают пыль с гладкой, полированной доски.

Город не спал. Он жил своей особой, отличной от светлого времени суток жизнью. Никакой суеты, толкотни и хаоса. При большом скоплении людей и машин, все шло своим чередом, с некоторым налетом отрешенной невозмутимости. Литейный жужжал, шумел и гудел, как улей, но звуки ночного города при этом были убаюкивающе размеренны и монотонны. Они не мешали думать, напротив, отгораживали от других, погружали в себя. Рик находился среди людей и при этом был один. Он уверенно вышагивал, не замечая красоты ночного города, направляясь к бару, с которого и началась история этого вечера, в надежде застать там Ивана.

Ванька действительно, все еще сидел в баре. Правда, он

был в стельку пьян, зато выглядел абсолютно счастливым.

– Рик, дружище, что ты здесь делаешь? Я думал, ты наслаждаешься той длинноногой эффектной блондинкой, – и Ванька начал вставать, чтобы обнять и расцеловать Рика.

Со стола полетела посуда вместе со стульями и с самим Иваном в придачу.

– Вань, уймись, сядь и давай потолкуем, – Рик подхватил падающего товарища и, как обмякшую куклу, усадил его обратно за стол.

Иван оказался на прежнем месте, и его рука тут же потянулась за стаканом.

– Вань, прекрати. Хватит нажираться. Ты уже в жопу пьян, – и Рик бесцеремонно отобрал у Ивана стакан, предусмотрительно отодвинув его на край стола.

Ванька манерно надул губы, но сопротивляться не стал.

– Ваня, я хочу нагло попроситься к тебе в гости. – Рик сделал небольшую паузу и продолжил: – Что, если я поживу у тебя несколько дней, может неделю. Не хочу возвращаться домой. Все эти разборки с Лизой... Ну, в общем, ты сам понимаешь.

– Конечно, понимаю! Живи, сколько хочешь! Хоть неделю, хоть две, хоть месяц! Ровно столько, сколько тебе понадобится.

– Спасибо, друг. А теперь я думаю, что нам пора возвращаться домой. То есть к тебе домой. Поехали уже. На сегодня достаточно пить.

И друзья вышли из бара.

Пока они ехали в такси, Рик узнал от Ивана, что у Юли, оказывается, есть парень, что она влюблена в него, а он ей изменил. Это потрясло девушку. В результате она решила отомстить, и не придумала ничего лучшего, как изменить в ответ, да не с одним, а сразу с несколькими парнями. За последние два дня Рик был пятым по счету. Об этом Ивану сообщила Вера, лучшая подруга Юли.

– Постой, Вера – это такая высокая темноволосая девушка в красном платье, да?

– Да! Такая высокая и аппетитная курочка с пышной задницей!

– Подожди, я не понял. Если Вера называет себя лучшей Юлиной подругой, то зачем ей понадобилось выкладывать все ее секреты тебе, постороннему мужику?

Пьяное лицо Ивана расплылось в блаженной улыбке, придав ему невероятно глупое выражение.

– А потому, – вкрадчивым шепотом сообщил Ванька, – что я-то теперь вовсе не посторонний мужик для Веры. Я ее жених, – и Иван довольно ухмыльнулся.

– Что?! Жених? С каких это пор ты успел стать женихом? Ты же знаешь эту девицу всего несколько часов. Ты вообще в своем уме? Или на тебя алкоголь так действует?

– Я не пьян. То есть я, конечно, пьян, но это не то, что ты думаешь. Понимаешь это... это... это...

– Ну, что, что «это»? – Рик терпеливо ждал.

– Это... ну... это любовь! Вот что!

– Какая еще любовь? Ты что, окончательно спятил или нажрался в сопли? Ты совсем не знаешь эту девицу. Может, ее и зовут вовсе не Вера. Это же она тебе так представилась. Ты не знаешь наверняка, правда? А может, она серийная убийца или воровка, или больна гепатитом, а может быть СПИДом, и жить ей осталось всего месяц? Ну, чего ты притих? Что ты вообще о ней знаешь? Чего ты навоображал себе, никчемный романтик?!

– По-моему, ты несешь полную чушь!

– Нет, это ты несешь пьяный бред!

– А вот и нет. Просто ты ни черта не понимаешь. И мне плевать, как ее зовут! Плевать, убийца она, воровка или еще кто-то. Это не имеет никакого значения. Мне плевать больная она или... Блин, нет, мне не плевать на ее здоровье, потому что я не хочу, чтобы она умерла через месяц. Я буду очень горевать из-за этого. Пойми, я увидел ее, поговорил и понял, что знаю о ней достаточно. Я знаю, что она добрая и при этом отважная, она умеет быть нежной, у нее тонкая ранимая душа, но она прячет ее, под налетом грубости. А еще, она может быть верной и смелой. И узнав все это, мне совершенно без разницы, как звучит ее настоящее имя, где и кем она работает, сколько раз выходила замуж, есть ли у нее машина и счет в банке. А ты, если не веришь мне, если считаешь меня идиотом, то пошел ты! Ясно? Она словно солнечное утро в моей пустой жизни. Я люблю ее всем серд-

цем, всей душой, и никто не помешает мне жениться на ней. Даже ты. Ты меня понял?

– Понял. Нет, прости, я ни хера не понял! Я понял лишь то, что ты ведешь себя как пятнадцатилетний юнец, которому в голову ударил тестостерон. Знаешь, мне кажется, что ты слишком торопишь события. Ну, как, скажи, как можно узнать человека всего за несколько часов? Это невозможно. И не пытайся убедить меня в обратном. Все равно не поверю.

– Конечно, не согласишься. Ты ведь не умеешь жить сердцем. Вечно все анализируешь, во всем сомневаешься, никому полностью не доверяешь. Даже себе. Ты не можешь открыть собственную душу, всегда боишься рискнуть. Это ведь страшно, а порой больно. Но оно того стоит. В противном случае жизнь лишается красок, а самое главное – любви. Да, настоящей и искренней любви! Сейчас я начинаю думать, а может Лиза не такая уж стерва, какой ты ее рисуешь? Может, ей просто не удалось достучаться до тебя? Может, ей просто не удалось заставить тебя открыть свое сердце ей? Может, в этом все дело? А? Ты же всех держишь снаружи, никого к себе близко не подпускаешь. Потому что для таких как ты, любовь слишком сложная и опасная штука, а любовь с первого взгляда опасна вдвойне! Такие как ты не признают ее, и точка! И не надо говорить, что ее не существует. Она есть. Я это точно знаю. Рик, дружище, я не хочу ссориться с тобой, но правда, тебе этого не понять. Ты просто прими этот факт, потому что никакие твои доводы не смогут убе-

дить меня в обратном. Это любовь, понимаешь?! Это – любовь! Просто порадуйся за меня!

– Хорошо, хорошо. Сдаюсь. Не будем ссориться из-за девки.

– Не из-за девки, а из-за девушки. Я требую уважения к моей будущей жене.

– Хорошо, пусть будет – из-за девушки. Ты доволен? Теперь все формальности соблюдены?

– Теперь все.

– Отлично. Тогда вернемся к разговору о Юле. Я хочу разъяснить для себя пару вопросов, и уверен, что ты в этом мне непременно поможешь. Получается, я был сегодня для нее всего лишь орудием мести?

– Да, приятель, именно – орудием мести.

– Честно говоря, обидно.

– Да брось! Ну какие тут могут быть обиды? Она же для тебя была тоже вроде как орудием? Или мне показалось? Ты ведь тоже не свободный парень. У тебя есть Лиза. Думаю, между вами счет один-один. Вы на равных.

– Тогда получается, что она теперь свободна?

– Кто свободна? Ах, Юля. Да нет же. Понимаешь здесь странная, запутанная история. Вера сказала, что Юля не собирается сообщать об этом своему парню. Он вообще ничего не должен узнать о ее похождениях. Ей вполне достаточно того, что она наставила парню рога. Девушка не хочет прекращать с ним отношения. Она его, видите ли, любит. Странная

это любовь, на мой взгляд, но это, в общем-то, не мое дело.

– Неожиданный поворот. Тогда зачем ей все это, если он и знать-то ничего не будет? В чем тогда радость? Не пойму что-то.

– А радость в том, что это позволит малышке чувствовать себя на равных со своим парнем. Плюс – возвращает уверенность в себе и ощущение внутренней гармонии. В ее восприятии, конечно. Так Вера сказала.

– Станный способ возвращать себе уверенность.

– Кто бы удивлялся.

– И тем не менее, я удивлен. Теперь у меня какое-то странное, неприятное ощущение. Липкое и гадкое. Чувствую, что мною нагло воспользовались и за ненадобностью вышвырнули вон.

– Да, девчонка попалась с неординарным восприятием окружающей действительности. А с другой стороны, чего ты ожидал? Сам попользовался и точно также вышвырнул девчонку из собственной жизни за ненадобностью. Вы квиты и с Юлей.

– Возможно, сначала я и хотел так поступить, но потом понял, что она мне понравилась. Мне с ней на удивление легко, не то, что с Лизой. С Юлей все просто и понятно. Я и подумал: а нужно ли торопиться возвращаться домой и мириться с Лизой?! Решил взять передышку, чтобы разобраться в себе. Наши отношения с Лизой зашли в тупик. Я откровенно устал от нее. С ней всегда все слишком сложно. Она

сама слишком сложная, через чур замороченная. Поэтому я и решил пожить немного у тебя. Не хочу рубить с плеча. Хочу все обдумать. И надо сказать, я надеялся, продолжить общение с Юлей хотя бы какое-то время. Но раз уж она не свободна, а я выступил в роли одноразового стаканчика...

– А у нас с Верой вечером свидание. Настоящий романтический ужин в ресторане.

– Да?! Ну-ка скажи, а откуда у тебя деньги на ресторан, ты же третий месяц безработный.

– Как откуда?! Конечно же ты дашь мне в долг. Не брошишь же ты друга в беде. Тем более, если другу очень нужно, а ты планируешь у него, у меня то есть, пожить! И вообще, это вопрос жизни и смерти!

– У тебя всегда появляется какой-нибудь вопрос жизни и смерти. Насколько я помню, ты не отдал мне предыдущий долг, а хочешь еще занять денег. Думаю, ты живешь не по средствам. Сначала найди работу, а потом води девок по дорогим ресторанам.

– Я ведь уже просил тебя не называть Веру девкой. И потом, она – девушка моей мечты, и я никак не могу позволить себе потерять ее из-за отсутствия какой-то там работы. К тому же... На кой хрен нужны друзья, как не для того, чтобы в подобные моменты протянуть руку помощи?! Я же протянул!

– Ага, руку помощи с зажатой в ней крупной купюрой и лучше не одной. Так ведь?

– Конечно, так! Но ты ведь мне не откажешь в небольшой материальной поддержке, правда?

– Знаю я твои небольшие материальные поддержки. Ты напоминаешь мне бездонную яму.

– Послушай, Рик, если ты мне настоящий друг, то непременно ссудишь меня деньгами. Для меня это очень важно, понимаешь?

– Похоже, ты начинаешь меня шантажировать. Хорошо. Давай поступим так: я даю тебе денег, при условии, что до конца этой недели ты устраиваешься на работу. В случае, если на работу ты не устроишься, не получишь от меня больше ни копейки несмотря ни на какие обстоятельства. И это не шутка.

– Хорошо. Договорились. Ты живешь у меня, а я торжественно обещаю устроиться на работу до конца этой недели, – и Ванька расплылся в улыбке, во весь свой щербатый рот. В этот момент он был похож на ребенка, выпросившего сладости у строгой мамы.

Глава 5

По оконному стеклу скатывались последние слезы разбушевавшейся стихии. Гроза прекратилась, значит, дождь тоже скоро закончится. Настало время оставить прошлое позади, обратив свой взгляд в будущее. Однако внутренняя опустошенность давила, высасывая последние силы, лишала надежды.

Я прекрасно понимала, что для начала необходимо восстановиться, обрести душевный покой. Но в чем найти успокоение и где отыскать приют? Я задумалась. В голову ничего не приходило. Мысли – яркие шарики, полые внутри, гонялись друг за другом, сталкивались и вновь разбегались в разные стороны, прячась по темным закоулкам сознания. Они запутывали, путались сами, сбиваясь с дороги уводили в сторону. Нужная информация, как яркая вспышка, на поверхность сознания вынырнула неожиданно.

Белетейн – вот оно, нужное слово. Вот оно – правильное решение! Праздник костров, ночь магии и волшебства, слияния и обновления. Сегодня Белетейн отмечают за городом точно так же, как его отмечали несколько сотен лет назад. Туда я немедленно и отправлюсь искать утешение в природе и древних обрядах.

– Принесите счет, пожалуйста, и вызовите мне такси, – обратилась я к проходившей мимо официантке.

Через минуту передо мной лежал счет. Оставив деньги и поблагодарив, я вышла на улицу. По асфальту расплывались лужи. Воздух сочился влагой. Умиротворение и тишина порхали рядом, тихо взмахивая крылышками. Ночь ласково прикасалась, обнимая.

Подъехало такси. Удобно устроившись на мягком кожаном сидении, я попросила отвезти меня за город. Таксист долго пытал меня вопросами и никак не мог взять в толк, что же я собираюсь делать за городом посреди ночи в полном одиночестве. Однако он быстро успокоился и замолчал, когда я предложила заплатить ему вдвое больше, если он прекратит задавать вопросы. Остаток пути мы ехали в тишине. Картинки за окном сменяли одна другую, как кадры в кинофильме. Я – безмолвный наблюдатель, скрывающийся от мира за прочными стенами своего внутреннего мира.

Время пролетело незаметно. Мое путешествие в такси быстро подошло к концу. Занимался рассвет. Пробуждающееся солнышко окрашивало небо в нежный розовый цвет. Расплатившись с водителем, я вышла на обочине леса, который обступал со всех сторон. Густой, темный, сказочный. Пахло сырой землей и свежей распускающейся зеленью. Резкий, пряный аромат, щекочущий ноздри, будоражащий чувства. Глубоко вдохнув и расправив плечи, я зашагала вперед.

Долго блуждать не пришлось. Тропинка быстро вывела к нужному месту. Огромная лужайка раскинулась широченым полигоном, на котором порхали с места на место мно-

жество разных существ, подобно ярким заморским птичкам.

Нереальность происходящего взволновала. «Этого просто не может быть! В наше время подобные события должны были потерять всякую актуальность. Так что же это такое: иллюзия, фантазия или игра моего взбудораженного разума?» – рассуждала я, рассеянно хлопая глазами. Словно невидимые ворота времени неожиданно распахнулись, открыв доступ в эпоху глубокой древности.

Я, тихая и незаметная, робко стояла в стороне, укрывшись тенью ближайших кустов, а вокруг мелькали тени, кружились люди и нелюди, исполняя неведомый и замысловатый танец. Каждая моя клеточка прониклась сказочной обстановкой. Она, впиталась в кровь, потекла по венам и растворилась в сознании. Так земля, иссушенная палящим солнцем, впитывает божественную дождевую влагу. Я наполнялась атмосферой праздника до краев, расширяя собственные границы. Из сказочного забытья меня вывело глухое, дребезжащее бормотание:

– Чего уставилась? Хлопаешь зенками, как разбуженная сова. Удивлена или испугана? – поинтересовалась у меня сильно всклокоченная, неопрятного вида женщина средних лет.

– Удивлена, – робко ответила я.

– Ах вот оно что! Удивлена, значит! – и женщина, громко хохотнув, прикрыла рот рукой, сдерживая отрыжку. Мне показалось, что она была изрядно навеселе. – Готова поспо-

ритель, что ты никогда не видела ничего подобного.

– Действительно, не видела, – подтвердила я.

– Ты, наверное, думаешь, что все, что сейчас происходит, не может происходить, что все это слишком смахивает на сказку, и ты уже сомневаешься в здравом смысле собственного рассудка.

– Да, есть такое, – согласилась я.

– А чем, собственно говоря, иллюзия отличается от реальности? Ладно, не обращай внимания. Лучше подходи ближе, не стесняйся, можешь даже присесть, если не боишься, – и она похлопала рукой по траве рядом с собой.

Я растерялась, замешкалась, но все-таки подошла ближе и уселась рядом. Справа от меня что-то закопошилось, и тут же я уловила едва различимый аромат лаванды. Я вздрогнула и немного отсела. Густая тень от деревьев полностью скрывала от меня кого-то или чего-то. Кто же это? Но, когда он вылез на свет, от удивления я, кажется, раскрыла рот.

– Артем, – прошептала я, прикрывая рот рукой, понимая, что с мимикой мне не совладать, и в ближайшие несколько минут самостоятельно мой рот точно не захлопнется.

– Рудольф, – ответил мне мужчина, как две капли воды похожий на моего коллегу по работе Артема Кирилловича Ландесмана, разве что выглядел он немного старше. В его волосах я заметила тонкие пряди седых волос, впрочем, как и в едва заметной щетине на щеках.

– Неужели вы не Артем? Быть того не может, вы так на

него похожи, — не унимаясь кудachtала я.

— А вот и может! И вообще, чего только в жизни не случается. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть и что ты готова при этом увидеть. У каждого из нас тысяча разных лиц и тысяча имен. И кто знает, какое из них проявится в определенный момент времени. Все это коварные хитросплетения мест и времен, — и он улыбнулся. Улыбка оказалась знакомой, но до жути странной. Растянутые губы полностью скрывали передние зубы. Такая улыбка должна была бы выглядеть совершенно неискренней, возможно даже ехидной. Но в глазах его сиял мягкий свет, добрый и немного ироничный. Там, несомненно, было что-то еще, но так глубоко заглянуть я была не в силах.

— Это как? — проямлила я, и тут же...

И тут я услышала звонкий детский смех. «Откуда здесь взяться ребенку?» — промелькнула мысль. Но в этот миг кто-то схватил меня за руку и увлек за собой в веселый хоровод. Мою ладонь сжимала девушка, довольно высокая, но при этом хрупкая и изящная, с длинными серебристыми волосами, свободно струившимися по плечам. Незнакомка, словно почувствовав мой взгляд, обернулась. Ее аквамаринные глаза были теми озерами, про которые говорят, что в них можно утонуть. Их глубина манила, затягивала, словно омут. Сопротивляться не было сил. Я начала тонуть, погружаясь все глубже и глубже, пока не почувствовала сильнейший приступ тошноты и головокружения. Девушка силь-

ней стиснула мою ладонь и отвела глаза. Наваждение быстро прошло. Рассеялось, как дым от сигарет в комнате с открытым окном.

В этом удивительном хороводе я несколько раз споткнулась, но не упала, продолжая движение, а вокруг кружились деревья и дивные весенние ароматы затуманивали разум. Необыкновенная легкость во всем теле окрыляла, придавала силы. Захотелось раскинуть руки и, почувствовав себя птицей, взмыть высоко в небо. Впервые, за долгие годы, ко мне вернулось ощущение полноты жизни и абсолютной свободы. В кои-то веки ничто не тяготило, а проблемы отступили далеко-далеко. В этот момент незнакомка потрянула серебристыми волосами и звонко захохотала. «Так могут смеяться только дети», – рассеянно подумала я. Только дети способны наслаждаться настоящим моментом искренне и беззаботно, непосредственно выражать свои эмоции, совершенно не заботясь о том, какое впечатление произведут на окружающих. Странная обладательница чудесного смеха вовсе не была ребенком, на вид ей было лет двадцать, возможно чуть больше.

Хоровод достиг максимальной скорости и двинулся в противоположную сторону. Я вскрикнула от восторга! Все, движущиеся в хороводном танце, были единым живым организмом, единым существом, подчиняющимся единым законам. Не было никаких «я», существовало только «мы». Единое и абсолютно неделимое целое.

Но вот руки разомкнулись, и все со смехом и криками на-

чали разлетаться в разные стороны. Я, взвизгнула, и отлетела в сторону, больно ударившись о ствол дерева. Рядом со мной звонко хохотала девушка с аквамариновыми глазами. Она сидела на траве недалеко от меня, весело подмигивая. А мне было совсем не весело, потому что я сильно отбила себе копчик. «Вот, блин! Надеюсь, хоть не сломала. Что за день сегодня такой – одни травмы?!»

С земли я поднималась как столетняя старуха, кряхтя и потирая ушибленный зад. А аквамариновоглазая продолжала заливисто хохотать, глядя на меня с легкой иронией. Под ее взглядом я почувствовала себя последней неудачницей, а собственная жизнь показалась мне чередой неуклюжих поступков и старушечьего кряхтения.

Девушка опять захихикала, беззастенчиво уставившись на меня. «Чушь! – будто говорил мне ее взгляд. Или я и вправду слышу ее?! – Наша жизнь есть прямое отражение наших мыслей. Все, что у тебя сейчас есть, и все, чего тебе не хватает – закономерно. Хотя, возможно, порой тебе это кажется несправедливым. Начни с собственных мыслей, и ты обрешь перемены, к которым стремиться твоя душа!» Девушка больше не хохотала и не улыбалась, более того, она не разжимала губ, а я отчетливо воспринимала ее мысли так, как будто она говорила со мной. «Что за дребедень? – подумала я. – По-видимому, кроме копчика я повредила еще и голову!»

Чтобы отвлечься от этих мыслей я начала стряхивать с

одежды сухие веточки и травинки. Необычная девушка по-прежнему сидела на земле напротив. Губы ее сложились в ироничную усмешку. «Ну и как ты теперь поступишь?» Она изогнула брови дугой, словно в подтверждении того, что вопрос хоть и не прозвучал, но, все-таки, был задан. «Не знаю, как поступлю, и что делать тоже не знаю. Я вообще не знаю, как быть и куда идти.»

Присутствовавшие тем временем разбивались на пары или более многочисленные группы, в зависимости от предпочтений, ища убежище в кустах или попросту располагаясь на лужайке. Не собираясь участвовать в подобном аттракционе, я решила, поскорее выбраться отсюда. Задача оказалась не из легких. Постоянно приходилось лавировать между телами, с завидным самозабвением предающимся страсти. Я постоянно на кого-то наступала, о кого-то спотыкалась.

Во время совершения одного из своих маневров по преодолению препятствий, постоянно оказывающихся у меня на пути, чьи-то сильные мужские руки подхватили меня словно куклу и куда-то понесли. Этим кем-то оказался незнакомый мне рыжеволосый парень, который уверенно тащил меня неведомо куда. События прошедшего дня сделали свое дело: я бессильно повисла в чужих руках, абсолютно неспособная к сопротивлению. Не было сил выбраться из трясины. Да и что там говорить – вообще ни к чему неспособная! Сознание и воля потерялись в тумане.

Из транса меня вывел голос, казалось бы, знакомый.

– Эй, слышь, приятель, отпусти девчонку!

– С чего это вдруг?! – рыжеволосый остановился.

– Отойди, я сказал! – и неизвестный шагнул в нашу сторону.

Когда он подошел ближе, я поняла, что это Тим. Стремительно нахлынувшее ошеломление захлестнуло меня.

«Боже мой, откуда он здесь взялся?! И какого хрена делает здесь?!» – подумала я. В воздухе повисло напряжение. Если рыжий тотчас же не отпустит меня, неминуемо произойдет драка. Не хватало только этого!

Глупая сцена, лишённая здравого смысла. «Этого просто не может быть!» – в который раз повторила я про себя. Я повторяла эти слова как мантру, как молитву, в надежде, что баланс восстановится и все непременно встанет на свои места. Стоит мне закрыть глаза, сосчитать до десяти, как Тим исчезнет. И я действительно закрыла глаза и стала считать до десяти. Когда я снова их открыла, картинка не изменилась. Все оставалось по-прежнему на своих местах.

События продолжали идти своим чередом. Тим внимательно наблюдал за мной. Меня это почему-то ужасно бесило. Я почувствовала себя каким-то диковинным животным, запертым в клетке, за которым наблюдают, с явным осознанием превосходства. Рыжеволосый с недоумением таращился то на меня, то на Тима, а я, к своему ужасу, поняла, что рыжему здесь не место, он совершенно лишний. И парень понял это не хуже меня. Не прошло и минуты, как я ногами

коснулась твердой земли. Слишком неожиданно, слишком стремительно, слишком поспешно. Легкое головокружение. Я оступилась, споткнулась и упала на колени.

Рыжий ушел. А я продолжала стоять на коленях, уперевшись ладонями в прохладную землю, вдыхая ее пряный весенний запах, не в силах двинуться с места, опустошенная и обессиленная. Тим продолжал разглядывать меня, а я, ошарашенная, бесцеремонно пялилась на него. Высокий, темно-волосый и темноглазый, хорошо сложенный, он возвышался надо мной, отыскивая что-то в моем лице. «Беспощадно красив», – подумала я. Да, абсолютно в этом уверена. Морщинка между бровей, говорила, что он решает для себя какую-то очень важную задачу. В этот момент до меня наконец дошло, что я до сих пор стою на коленях, и как ужаленная тут же вскочила на ноги, злясь на себя за свою растерянность, за свою беспечность и за свою слабость.

Бешенство поднималось из самых глубин души, стремительно закручивалось в вихри, готовясь вот-вот вырваться наружу. Неукротимое, дикое, первобытное чувство с каждой секундой нарастало. Я была готова вот-вот вцепиться Тиму в лицо, ударить, задушить, растерзать. Очевидно, он это почувствовал. Морщинка между его бровями разгладилась, он шагнул мне навстречу, резким движением схватив за руку, рванул, притянув к себе.

Мне хотелось его убить, расцарапать лицо, вцепиться зубами в горло. Я негодовала, а он смотрел на меня и нагло

улыбался. Это была его полная победа и моя абсолютная капитуляция. Он это знал. Я совсем растерялась. Словно кто-то проколол воздушный шарик, из которого разом вышел весь воздух. Защитные маски и доспехи, за которыми я так надежно укрывалась все это время, слетели.

Я стояла перед Тимом беззащитная и потерянная. Пустота и слабость встали рядом. В горле пересохло, поэтому ни одна мысль больше так и не возникла.

– Я искал тебя, – произнес он одними губами, нарушив тишину.

– Считай, что нашел.

– Я действительно, очень долго искал тебя, а когда увидел сегодня...

– Не надо. Ничего не говори, – прошептала я.

Не хотелось ничего слышать, ничего знать, ничего понимать. Я была измотана, обескуражена и опустошена. Всего лишь клубок оголенных, как электрические провода, нервов, я старалась избегать любого импульса, любого напряжения. Слишком больно. Слишком тяжело. Слишком сложно и запутано. Я устала.

– Могу я просить тебя остаться сегодня, сейчас здесь со мной?

– Можешь. Проси.

– Тогда я прошу. Остайся. Я слишком часто сегодня повторяю это слово.

– Значит, не повторяй его больше.

– Наверное, я боюсь, что ты снова убежишь.

– Я не убегу. Во всяком случае не сейчас.

– Звучит не слишком обнадеживающе, но по крайней мере честно.

Тим очень грустно улыбнулся, а я вздохнула и отстранилась, высвободившись из его объятий. Происходящее в сотый раз казалось призрачным, ненастоящим. Но было в этом парне нечто искреннее и такое знакомое. Я колебалась, погружаясь в размышления, а время, не сбавляя темп, стремительно бежало вперед.

И вот... все случилось словно само собой, как-то слишком естественно и просто.

Глаза словно бархат, нежные и мягкие. В них боль и грусть, разочарование и надежда. Он был здесь, и он ждал. Что я могла ему сказать? Что я могла ему дать? Резкий, глубокий вздох. Я слишком устала, чтобы рассуждать здраво. Расстояние между нами неизбежно сокращалось. Я вовсе не хотела этого, но не могла остановиться. Моя душа была обнажена и не защищена. Я нуждалась в покое и отдохновении. Тепло сильных рук согревало, успокаивало, обещало защиту. Прикосновение мягких губ рождало нежность и тепло, дарило уют. А над нашими головами неистово шумели деревья.

– Я боялся, что у меня никогда не будет возможности прикоснуться к тебе.

– Я тоже об этом думала. Но не уверена, что меня это огор-

чало.

Еще один вздох. Робкая улыбка. Легкое прикосновение. Стены рухнули. Мой мир превратился в руины. Я сама была пылью. Ничтожной и невесомой. Куртка, брошенная на землю, приглашающе раскрылась. Бережно, очень бережно Тим опустил меня на нее.

Его губы заставляли забыть о себе все. Неважно кем я была и кем буду. Важно лишь то, кем являюсь в данный момент. Нет ни прошлого, ни будущего. Существует лишь одно настоящее. Мгновение – легкое и невесомое, как прикосновение ресниц к щеке. Теперь я всего лишь клубок нервных окончаний, остро реагирующих, не больше. Одежда – ненужная оболочка – душит. Он освобождает меня от этих оков. Я все больше увязаю в нежном бархате его глаз. Руки трепещут от сдерживаемой страсти. Он не спеша открывает во мне дверцу за дверцей, заполняя собой пустоту. Границы стерты. Я больше не осознаю, где кончается он и начинаюсь я. Теперь есть что-то целое, что-то очень важное. Его глаза напротив. В них отражается небо, или же это отражение моих собственных страхов? Не знаю. Уже не понимаю. Невообразимый восторг и счастье затопили, безжалостно выбросив на берег, полностью опустошив.

Словно лишившись телесной оболочки, я парила над собственным телом и собственным разумом. Я разлетелась на множество мельчайших частиц, ярких, переливающихся, невесомых. Заботы и разногласия утратили свою значи-

мость. Важным был лишь ускользающий миг настоящего. Все остальное казалось иллюзорным и ничтожным.

Лежа на земле, взгляд поневоле устремился в утреннее небо: бескрайнее, торжественное и мудрое как сама жизнь. Покой и гармония, осторожно на цыпочках бродили рядом. Птицы заливались на все голоса.

Одна крохотная пичужка спорхнула с ветки, и уселась напротив, распевая свою затейливую песенку. Пташка весело подпрыгивала на одном месте, кружилась, поворачивалась в разные стороны, демонстрируя яркое оперение. Такая хрупкая и такая подвижная. В ней столько жизни, столько задора. Рука бессознательно потянулась к ней, так хотелось прикоснуться к этому маленькому, юркому комочку. Птичка встрепенулась и упорхнула. Описав над головой круг, она улетела в сторону реки.

Повинуясь какому-то внутреннему, неосознанному инстинкту, я осторожно, чтобы не разбудить Тима, поднялась на ноги и отправилась вслед за пташкой по узенькой песчаной тропинке, которая привела меня прямо к речке. Очувшись на берегу, я замерла от сказочной красоты этого места. Ивы, выстроились вдоль берега, склонив, изогнутые ветви к самой воде. Едва распустившиеся листочки окутали деревья ярко-зеленой дымкой. Пробуждающееся солнце рассыпало по поверхности реки множество переливающихся искр: весело мерцающих самоцветов. Ощущение сказочного волшебства опутывало подобно невидимой паутине. Ухо-

дить совершенно не хотелось. Решив от души насладиться волшебной красотой, я взобралась на самый толстый ивовый ствол, нависший над рекой. Солнечные лучи отражались в воде, просвечивая ее на мелководье, где резвились мальки. Миниатюрные и шустрые рыбешки весело гонялись друг за другом. Тишина и умиротворение неспешно укачивали меня на своих волнах. Я растворялась в утренней неге солнечных лучей и окружающего мира.

Неожиданно рядом прозвучал звонкий, залиvistый смех. Вынырнув из глубин собственных грез, я увидела девушку с аквамариновыми глазами, усевшуюся рядом со мной на стволе ивы. Ее длинные ноги ритмично молотили по воде, распуская мальков и поднимая вокруг тучу брызг. При этом она не переставала залиvисто хохотать.

– Ты, испугала меня, – обратилась я к девушке. – Думала, что кроме меня здесь никого нет.

– Сегодня здесь уйма народу, и кто-нибудь на кого-нибудь постоянно натывается.

– Тебе не кажется странным, что мы с тобой слишком часто натываемся друг на друга сегодня? Мы ведь не знакомы, правда?

– Правда. Но это легко исправить. Меня зовут Эльвира.

– Эльвира, Эльфа. Эльвары или эльфары, эльфы – это всего лишь легенды, сказки? Или за этим именем стоит нечто более серьезное? – и я вопросительно взглянула на Эльвиру.

Моя новая знакомая хитро улыбнулась и как бы невзначай

отбросила свои дивные длинные волосы цвета лунного луча назад, открыв ушки. Маленькие, аккуратные, с заостренными кончиками. Такие я видела у эльфов на картинках в детских книжках.

– Ты ведь здесь не случайно, я правильно понимаю?

– Я в самом деле не принадлежу этому миру, но сегодняшняя ночь особенная. Беллетейн – это праздник, во время которого границы между мирами стираются и двери между ними открываются. Становится возможным взаимный переход.

Девушка очень внимательно смотрела на меня.

– Ты верно подметила, что я здесь не случайно, – продолжила она мелодичным голосом. – Мне известно, что сюда тебя привела грусть, разочарование и боль. Знаю, что жизнь засосала и закружила тебя в повседневных заботах, не оставив места для тебя самой. Знаю, что в объятиях своего мужчины ты порой не находишь ни радости, ни утешения. И ты мечешься, маешься, бросаешься из одной крайности в другую. Но ведь он не случайно вошел в твою жизнь. И дело здесь не в том, хороший он или плохой, хорошая или плохая ты. Он такой, какой есть. Такой, какой нужен тебе именно сейчас. Именно в этом отрезке времени. Ты сама выбрала путь страдания и разрушения. Рик всего лишь ответ на твой запрос. Подсознательный, неосознанный запрос. Выбери другой путь, и твоя жизнь кардинально изменится. Изменятся и люди, окружающие тебя, или появятся другие. Стань творцом своей жизни, своей судьбы. Не бойся делать сознатель-

ный выбор и нести за него ответственность. Просто перестань бояться. Ты понимаешь, о чем я?

– Кажется... да.

– Сможешь воспользоваться моим советом?

– Да. Думаю, что смогу.

– Хорошо. Просто мне очень грустно и обидно, что твоя жизнь похожа на хаос, при том, что ты безусловно заслуживаешь большего. Ты сама породила чудовищ, терзающих твою душу. В этом виновата только ты. Настоящее, в котором мы находимся, является ничем иным, как логическим продолжением нашего прошлого. Это лишь следствие, у которого была своя причина. Знаешь, для того чтобы узнать, каким будет твое будущее, просто посмотри на свои нынешние поступки. Мне хорошо известно, что в вашем мире живут какой-то лихорадочной жизнью. Ты ежедневно изматываешь себя, делая выбор в пользу навязанных стереотипов, игнорируя зов сердца и крик души. Каждый день ты предаешь себя, чтобы быть как все. Твой рабочий день заканчивается головной болью, а самое страшное, что это уже привычка. Это совершенно неправильно, и с этим решительно нужно что-то делать. Слушай свое сердце и никогда не предавай себя. Оставайся собой всегда.

Я задумалась. Все, что говорила эта странная девушка, было истинно и справедливо. Но одно дело – видеть истину, понимать ее, и уж совсем другое – жить в соответствии с ней. Это сложно и требует железной воли. Все мы совер-

шаем ошибки. Кто-то учится на них, а кто-то попросту старается не замечать. Каждый делает свой выбор и идет своей дорогой.

В последнее время не заикливаться на проблемах стало для меня невозможным. Мысли о том, что могло бы быть, чего нет, и что может произойти по моему разумению, преследовали меня постоянно. Они заполнили собой пространство, лишая реальной действительности. Я словно жила в каком-то отдельном мире. Мире, воспаленной пульсирующей мысли, и это похоже не на жизнь, а на рабство. Я неизменно пребывала в плену собственных страхов и сомнений. Да, я действительно, сама лишила себя легкости, свободы, любви. Своими руками перекрыла кислород собственной жизни. Подчинившись страху, превратилась в призрака, а мир вокруг меня – всего лишь театр теней.

– Что же делать? Как вырваться из этого омута? Я не вижу способа и не нахожу в себе сил.

– Побороть свой страх, лишить его силы – вот способ. И всегда, и везде, несмотря ни на что, оставаться собой. Учись не изменять себе, слышать себя и не забывать действовать.

Странно. Так странно. Непостижимо. Мысли в голове вращались и шуршали подобно вороху осенних листьев.

– Могу ли я задать вопрос?

– Ты хочешь узнать об этом парне? – Эльвира грустно вздохнула и опустила глаза.

– Да.

– Все сложно и ничего не понятно. Не надейся на многое. В противном случае снова будешь страдать.

Ответ прозвучал резко. Наверное, даже слишком резко. Казалось, ничего лучшего, чем сегодняшняя ночь, со мной не происходило. Неужели все это было очередной иллюзией, очередным самообманом?

– Почему? Неужели он не тот... – я не успела договорить, Эльвира перебила меня:

– Нет, и из этого вряд ли что-то получится.

– Но почему?! – почти прокричала я.

– Да потому что не всякая сказка имеет счастливый конец! Сегодняшняя ночь – волшебство. И вообще не все, что хорошо началось, может так же хорошо закончиться. Да и что такое «конец», и существует ли он на самом деле? Или это некое абстрактное понятие, относящиеся к конкретному отрезку времени? А время – всего лишь рамки, границы, которых на самом деле не существует? Ничто не кончается. Все только трансформируется. Движение всегда идет по спирали.

Я молча смотрела на Эльвиру, пытаюсь уложить в голове то, что никак там не укладывалось.

– Но как такое возможно?

– Такое невозможно.

– И я больше никогда его не увижу? Я...

– Увидишь. Только это ничего не изменит, – Эльвира молчала, задумчиво глядя в пустоту.

– Тогда могу ли я попросить тебя.

– Нет не можешь!

– Извини.

Прыжок. Миллионы мелких прохладных капелек фейерверком разлетаются в разные стороны. Широко распахнутые глаза напротив. Сияние аквамариновых звезд затягивает, гипнотизирует. Тону в ледяном озере. Еще немного и легкие разорвутся от нехватки кислорода, в ушах стоит рев заведенного мотора, окружающее колыхается, вибрирует, расплывается, подчиняясь неведомому мне ритму. Нежное, едва уловимое прикосновение холодной руки ко лбу срывает пелену наваждения. Эльвира стоит напротив. Она улыбается. Улыбка почему-то грустная...

– Иди же. Ну иди скорее, – произносит она почти шепотом. – Не тяни. Я не в силах оградить тебя от всех бед. Ты пройдешь сквозь огонь босая, а шрамы останутся у тебя на сердце. К старым добавятся новые. Грубые, некрасивые рубцы. Рубцы на всю жизнь и даже дольше, чтобы помнить. Если испугаешься и пощадишь себя, упадешь, и тогда пустота поглотит тебя, как это было уже когда-то давно, но на этот раз навсегда. Однажды стоя на коленях, ты смотрела в глаза золотой Змее. Ты помнишь? Нет? Это было давно, но это было. Ты не можешь этого забыть. Просто не хочешь вспоминать. Потому что боишься. Ты и в самом деле боишься? Тебе страшно или стыдно? И все же, что движет твоим мнимым забвением? Испив чашу до дна, ты оказалась в бездне. Это

было давно. Не бойся вспомнить. Не бойся огня. Да, он больно жжет, не щадит. Он испепеляет, но знай, что феникс всегда восстает из пепла, ибо огонь есть мысль, огонь есть воля, и лишь огонь способен перевести материю в иное измерение, даровав ей возможность жить, пусть даже и в другом, преобразованном качестве. Ступай же. И не бойся вспомнить. Вспомнить все. Знай, нельзя победить того, кто не сдастся. Тебе же известно об этом. А теперь иди.

Я шагала по тропинке обратно, ошарашенная услышанным. С трудом осмысливала информацию, аккуратно раскладывала ее по полочкам, систематизируя.

Глава 6

– Где ты была? Я испугался, что ты опять сбежала.

– Нет, на этот раз я не сбежала. Просто прогулялась. Там, за пригорком потрясающе красивое место.

Утреннее солнышко золотило загорелую кожу, окутывая ее нежным сиянием. Тим еще крепче прижал меня к себе. В этот миг жизнь казалась простой и правильной, доброй и счастливой. Распри и невзгоды остались позади и казались чем-то призрачным.

– Давай я отвезу тебя домой, – голос прозвучал откуда-то издалека.

– Домой, – повторила я.

– Да, пора. Я провожу тебя. Думаю, тебе просто необходим отдых.

– В самом деле, – выдохнула я.

– Пойдем. Мой мотоцикл стоит за теми деревьями, недалеко отсюда, – и он по-хозяйски взял меня за руку и повел по тропинке.

Шум мы слышали одновременно. Похоже, веселилась пьяная компания. Из-за кустов раздавалась отборная брань, перемежающаяся взрывами гомерического хохота. Тим напрягся, крепче сжав мою руку, ускорил шаг. Я попыталась высвободиться, но он этого даже не заметил, буквально приковав меня к себе, заставив идти еще быстрее.

Большую круглую поляну со всех сторон окружали липы. Мне почему-то она ужасно напомнила арену античного цирка, будто специально созданную для боев гладиаторов.

Увиденное вызвало неподдельное отвращение. Пьяная компания, состоявшая из четырех человек, находилась в самом разгаре веселья. Трое возились с мотоциклом, пытаясь его завести. Вокруг валялась уйма пустых бутылок, банок, окурков.

Один из пирующих увидел нас.

– Да у нас гости! – завопил он, направляясь в нашу сторону. – Девчонка! Вот здорово! Девчонки нам как раз не хватало. Ребята, слышь, к нам девчонка забрела.

Трое обернулись.

– Жаль, что одна. Ну да ничего, мы и одной рады. А ты, парень, – обратился он к Тиму, – отойди в сторонку, да не мешай. Мы тебя не обидим, если ты не жадный, конечно. Попользуемся, да и вернем обратно твою девицу. С нее не убудет.

Он подошел ко мне почти вплотную, дыхнул пивным перегаром и схватил за руку.

– Убери от нее свои лапы, – прошипел Тим, толкнув словоохотливого в грудь.

– Ух, ты, а парень-то у нас жадина! Придется объяснить тебе, добрый человек, что жадничать нехорошо, – и он громко хохотнул, а потом резко без предупреждения хватил Тима кулаком по голове. Из носа тут же брызнула кровь и густым

карминовым ручейком потекла по губам и подбородку. Не придавая этому значения, Тим отер кровь рукой, размазав ее по лицу, и рванулся навстречу нападавшему.

Завязалась драка. Я отскочила в сторону и, парализованная ужасом, замерла. Буквально мгновение назад нежный, заботливый и такой внимательный Тим, сейчас походил на дикое животное, одержимое первобытными инстинктами. Зрелище было ужасным, диким и кровожадным. Меня замутило. «Даже не пытайся грохнуть в обморок», – твердила я себе. Противники, не щадя, осыпали друг друга ударами. Страшно представить, чем все может закончиться! Тяжелый кулак Тима саданул нападавшего. Послышался глухой удар. Парень упал как подкошенный.

– Ах, ты, падла, – заорал здоровенный бугай, и все трое двинулись на нас.

Двое окружили Тима, а третий, с омерзительно прыщавой рожей, побрел в мою сторону, глумливо улыбаясь. Первым инстинктивным желанием было убежать. Опрометью, сломя голову, не разбирая дороги. Убежать и спрятаться, никогда не вспоминая о случившемся. Но только не сегодня, не в этот раз. А сейчас... Впервые в жизни мне предстояло заглянуть в глаза собственному страху, и глаза эти были рыбы, водянисто-холодные, навывкате.

Будучи не в состоянии справиться с накатившим на меня отчаянием, я воспользовалась тем единственно доступным и многократно опробованным мною способом – бегством.

Медленно, шаг за шагом, я начала отступление, пока спина не ощутила твердую шероховатую поверхность ствола. Все, вот и конец пути. Прыщавый в два прыжка оказался передо мной. Он похабно хохотнул, обнажив гнилые зубы, буквально на глазах расцветая, напиваясь моим страхом и беззащитностью. Взгляд омерзительно холодных глаз не оставлял никакой надежды. Сейчас я прекрасно понимала, что чувствует кролик, парализованный немигающим взглядом удава, за мгновение до гибели.

В руках у прыщавого я заметила палку с вбитым в нее заостренным гвоздем. Он планировал поиздеваться. Страх, паника, ужас, смятение электрическими разрядами, пронзали меня от макушки до кончиков пальцев. Будто прочитав мои мысли, он резко замахнулся деревяшкой, целясь мне в лицо. Сработал рефлекс, я подняла руку, защищаясь. Гвоздь впился в предплечье и там застрял. Боль жгучая и нестерпимая, безжалостно обожгла. Я тихонько всхлипнула, с шумом втянув воздух в легкие, и резким движением выдернула палку из собственного тела с неприятным хлюпающим звуком. Палка оказалась у меня в руке. Металлический гвоздь был в моей крови. Одна капелька упала на туфлю. Но мне показалось, что грохотнуло так, что заложило уши. Перед моими глазами порхали алые маковые лепестки и кружили золотые искры. На белом рукаве моей блузки расплылось алое пятно. Красное на белом. Любимое сочетание цветов. Как загипнотизированная я упивалась зрелищем, не в состоянии отвести

глаза от распускающегося алого цветка на рукаве.

Толчок в плечо вывел меня из транса, пробудил сознание, заставил очнуться. Я увидела стеклянные, пустые, выпученные, как у жабы, глаза и ухмылку – гадкую, мерзкую, подлую, до жути отвратную. К горлу подступил комок. Веки, как оконные створки, захлопнулись, защищая сознание.

– Боишься? – прохрипел прыщавый. – Тебе страшно, что будет больно? – его губы скривились, превратив лицо в ужасную маску.

Я еще раз заглянула в холодную пустоту его глаз и утонула в боли, неудовлетворенности и страхе этого существа. Тупая мразь с искалеченной душой, пытающаяся низвергнуть меня в бездну собственного отчаяния и ужаса. «А ведь я сильнее тебя!» – отчетливо пульсировала мысль в голове. Именно она принесла неожиданный покой и уверенность. А с ними пришло освобождение.

Я расслабилась, ощутив превосходство. Улыбнулась. Подняла здоровую руку, в которой по-прежнему сжимала палку, ошетилившуюся единственным металлическим зубом с окровавленным наконечником, и ударила. Быстро. Резко. Без эмоций. Гвоздь угодил прыщавому в щеку. Не теряя времени, я ударила его между ног. Согнувшись пополам, он оказался совершенно беззащитным перед моими ударами. С сокрушающей силой я лупила его по голове, пока чувствовала силу в руках. Наконец, закатив глаза, он упал, смешно раскинув руки и ноги. Вместо лица теперь у него была какая-то

кровавая каша. Все еще сжимая в руках палку, я опустилась на колени. Меня вывернуло.

Когда последние спазмы закончились, я поднялась на ноги. Тим, изрядно измученный, дрался со здоровенным бугаем. Нет, не дрался, а пытался защититься от мощных ударов. Я споткнулась о распростертое тело. Значит, из четверых остался только один, самый здоровенный. Подбираясь к бугаю сзади, вооруженная все той же палкой с гвоздем, я долбанула его по лысой башке со всей силы. Гвоздь лишь царапнул по его затылку. Он резко развернулся, сверкая налитыми кровью глазами, очень похожий на взбесившегося быка. Еще полчаса назад я бы запаниковала, но сейчас, плавая в вакууме отрешенного спокойствия, с красной пеленой перед глазами, я ощущала лишь легкость и невесомость, подобно туману, клубящемуся над поверхностью лесного озера.

Оценив мои физические данные, бык довольно хрюкнул, и начал наступление, намереваясь, очевидно, пристукнуть меня одним пальцем, как назойливую муху. Я не шелохнулась, подпуская его ближе. Выбросив вперед руку, он ухватился за мою палку. Палку мужик держал крепко. Наверное, хотел вырвать ее из моих рук. Рассчитывая на это, я слегка качнулась в сторону, и, не выпуская дубину из рук, определила нужное направление прилагаемой им силы. Палка послужила мне рычагом. Я резко крутанула ее в нужную мне сторону. Колоссальная сила этого бугая обернулась против него, потому что его рука вывернулась под неестественным

для верхней конечности углом. От боли он разжал пальцы, а я быстро, очень быстро саданула его по лысой башке еще раз. К моему удивлению, он покачнулся и упал. Я с облегчением выдохнула. Пальцы сами разжались. Палка выскользнула из моей руки.

Тим оказался неподалеку. Стоя на четвереньках, он пытался подняться. Я подошла ближе и криво улыбнулась, не чувствуя ничего кроме пустоты.

– Кажется, ты спасла нас обоих.

– Кажется, – я протянула ему руку. – Поднимайся живее. Надо убираться отсюда. Сейчас, наверное, кто-нибудь очушается. Мне не хочется пережить подобное еще раз.

– Да-да, конечно, – Тим тяжело поднялся на ноги.

Его вид ошеломил меня. Верхняя губа рассечена, все лицо в ссадинах и кровоподтеках, под левым глазом наплывал синяк, угрожая вовсе закрыть его.

– Я смотрю, и тебе досталось.

– Что? – не поняла я.

– У тебя кровь на рукаве.

Рукав некогда роскошной блузки ярко алел в лучах утреннего солнца, от локтя до запястья насквозь пропитавшись кровью, которая крупными густыми бусинами капала на землю.

– Наверное поврежден крупный сосуд, – равнодушно предположила я.

– Дай-ка мне руку, – и Тим потянулся к моему локтю.

Я отстранилась, не позволив до себя дотронуться.

– Послушай, я все-таки доктор.

– Ах да, конечно. Ну хорошо, – равнодушно ответила я и протянула ему руку.

Тим закатал окровавленный рукав, оторвал другой, скатал его в жгут и туго затянул.

– А теперь бежим отсюда.

Одновременно добежав до мотоцикла, мы неуклюже забрались на него. Шум мотора доносился до моего сознания откуда-то издалека. Я запрокинула голову. Наверху проплывали белые пушистые облака, утопающие в яркой небесной лазури, они сменяли одно другое, плавно и неспешно. Вот по небу проплывает белый пушистый кот, а вот гордый и прекрасный Пегас, расправляющий крылья. Мною безраздельно владела апатия. Я молча и безучастно наблюдала за летящими по небу картинами.

– Лиз, не отпускай руки, держись за меня крепче, а то вылетишь с мотоцикла.

«Интересно, вылечу – это в смысле улечу? Отправлюсь в полет, к облакам или, может, даже к самим звездам? О, если так, то я согласна!»

Отцепившись от Тима, я освободила руки, раскинув их в стороны.

– Лиза, ты совсем рехнулась?! Я же сказал: «держись крепче, не отпускай меня».

«Да что за чушь в самом деле?! Чего этот хрен раскоман-

довался?! Что он себе позволяет?! Кто дал ему право решать, что мне делать, а что нет?! Как бы не так!» Я нарочно раскинула руки в стороны. Ветер развеивал волосы, ласково прикасаясь к коже. Тем временем внутри меня разгорался адский огонь. Щеки пылали, голова гудела, рука дико пульсировала болью.

– Лиза! Ты, что, специально издеваешься?! – ревел Тим как разъяренный кабан.

– Да пошел ты! – я самодовольно хмыкнула.

– Что? – удивился Тим.

– Ничего, – пробурчала я. – Меня сейчас, кажется, стошнит, вот чего.

– О боже, потерпи немного, через несколько минут будем на месте.

«Ага, потерпи! Как же! Звучит как полный абсурд.»

Я попыталась сделать несколько глубоких вдохов и расслабиться. Не помогло. Голова не переставала кружиться, рука горела как ошпаренная. Было тошно, душно, хотелось пить, асфальт под колесами казался жидким, расплавленным свинцом, источающим удушающий жар. Утреннее солнце безжалостно ослепляло, обжигая сетчатку. Дома вдоль дорог угрожающе нависали. Рукав насквозь пропитался кровью, при этом меня отчаянно знобило. Я будто находилась в эпицентре бури, которая, неудержимо затягивала меня все сильнее.

Наверное, я в очередной раз пыталась свалиться с мото-

цикла. Я этого не помню. Пробудило прикосновение Тима, его запах, ощущение его тепла. Он почему-то нес меня на руках. Зачем, почему – я не в силах была понять. Не в силах открыть глаза. Мне очень сильно хотелось спать. Просто немного отдохнуть, забыв обо всем.

– Потерпи, – произнес Тим, – скоро будешь дома. Какой номер у твоей квартиры?

«Что? Номер моей квартиры? А при чем тут моя квартира?» В голове все путалось, ничего не складывалось. «Я что, назвала ему свой адрес? Решительно ничего не помню.»

Я назвала ему номер квартиры, до конца не понимая, зачем это делаю. Не в моих правилах приглашать посторонних домой. Что, если дома меня встретит Рик? А Тим тащит меня на руках. Какой кошмар! Во что я впуталась? Вот уж никогда бы не подумала, что со мной может произойти нечто подобное. Я вяло попыталась высвободиться из рук Тима. Безуспешно.

Он поставил меня на ноги. Но они не оправдали ни моих, ни его ожиданий. Меня закачало, и я буквально рухнула у порога собственной двери.

Что происходило после, я помнила не слишком отчетливо. А когда открыла глаза, то увидела знакомый вид за окном. Ночь. Крыша соседнего дома по-прежнему заглядывала в окно спальни, а у соседей напротив на окнах висели все те же бордовые шторы. Все находилось на своих местах, но что-то было не так. Слишком много огня вокруг. Я сама бы-

ла этим огнем. Щеки горели, голова раскалывалась, в горле пересохло, рука болела безумно. Чувствовала я себя паршиво. Пришлось встать с кровати и тащиться на кухню, чтобы откопать градусник и померить температуру. Ртутный столбик мгновенно поднялся до отметки сорок. Все ясно, дальше держать нет смысла. Совершенно очевидно, что у меня высокая температура. Я не ожидала, что все настолько серьезно. «Наверное, это из-за руки. Да. Скорее всего. Очевидно, в ранку попала инфекция, все дело в этом. Недаром рука невыносимо болит.»

Я сняла повязку, которую, по-видимому, сделал мне Тим. Он обработал рану и перевязал ее чистым бинтом, но это не помогло. Рука сильно отекала, и бинт врезался в нее. Когда я его размотала, то глазам своим не поверила. Рука была бордового цвета с синюшным оттенком, распухшая настолько, что на верхнюю конечность человеческого организма едва походила. Это из-за нее меня так лихорадит. Я испугалась. «Что делать? Куда обратиться? На дворе же глубокая ночь. Поликлиника давным-давно закрыта. Ох, зато больницы-то работают круглые сутки! Ну да, точно.»

Я попыталась встать с табуретки, чтобы начать собирать-ся, но голова ужасно кружилась. Несмотря ни на что, я собрала кое-какие вещи и самое главное – документы. Дважды я была близка к обмороку. Каждое движение стоило невероятных усилий. Хотелось плюнуть на все, лечь на пол и умереть. Но быстро и легко умереть не получится. Только это и

заставляло не прекращать действовать.

С горем пополам я собралась и вызвала такси. Спуститься по лестнице оказалось для меня практически невыполнимой задачей. Слабость сковала тело. Сил совсем не осталось. Меня тошнило, голова кружилась, рука горела. Хотелось ее отгрызть, как это делают животные, попавшие в капкан – лишь бы избавиться от боли! Был момент, когда мне казалось, что я умру прямо на лестничной площадке под собственной дверью.

Как спустилась вниз, я не помню. Помню, что упала около такси и таксист, подумав, что я в стельку пьяная, поднял меня и запихнул в машину, обругав «всякой пьяной сволочью, которой не сидится дома, а надо непременно разъезжать по городу в таком непотребном виде, и все это для того, чтобы заблевать машину, которую придется отмывать потом от всякой мрази».

Когда я сказала, что мне в больницу, таксист очень удивился. А потом, внимательно взглянув на меня, извинился и спросил только, что ж я себя так запустила и дотянула до того, что уже и на ногах не стою. А потом он начал причитывать, что не дай бог я умру у него в машине, и какой леший меня дернул ехать в больницу на такси, а не на скорой с сиреной, и что я и в самом деле чокнутая, ну и все такое прочее. Под бубнеж таксиста и с его желанием поскорее от меня избавиться, доехали мы довольно-таки быстро, не хуже, чем с мигалкой.

Не помню, как шла до приемного отделения, как вообще попала в больницу. Воспоминания были какими-то разрозненными и очень яркими одновременно — как картинки в детском калейдоскопе. Помню вспышки яркого света и навязчивый металлический грохот, от которого хотелось заткнуть уши. Помню мягкий, приятный мужской голос, звучащий как морской прибой. Помню светлые простыни, жесткую кровать и белую обшарпанную дверь со стеклом наверху, а еще замысловатый узор треснувшей штукатурки на потолке. Было слишком много лиц и людей, с которыми я говорила, которых звала и от которых спасалась.

Глава 7

– Мариша, что ты знаешь о нашей новой пациентке, молоденькой девочке, которую мы только что прооперировали? Расскажи, как она к нам поступила.

– Поступила, как и положено, из приемного отделения, – Мариша насупилась. Было видно, что ее раздражает этот разговор, который она явно не хотела продолжать.

А во всем виновата новенькая, из-за которой теперь совсем не удастся вздремнуть. Это чертовски раздражало и огорчало медсестру палаты интенсивной терапии Марину Игоревну Агафонову. Смена выдалась тяжелой, пациентов было много. Мариша вымоталась, ведь ей уже пятьдесят три, и бессонные ночи на дежурстве с каждым годом давались ей все тяжелей и тяжелей, а она так рассчитывала хоть немного отдохнуть сегодня ночью.

– Мариша, ты же кладезь полезной информации, – увещевал ее молодой уже, но очень приятный доктор с добрыми глазами сенбернара и тихим, убаюкивающим голосом, звучащим как морской прибой. – Всегда все про всех знаешь. Наверняка тебе известно что-нибудь и про нашу новую пациентку. Как она к нам поступила? С кем пришла? Кто ее сопровождал? Хотя что-нибудь ты непременно должна знать, – и доктор снова улыбнулся, пытаясь растопить сердце раздраженной медсестры.

– Никто ее не сопровождал. Валялась возле приемного отделения без сознания. Наша санитарка обнаружила ее и подняла панику. Так она к нам и попала. А что у нее?

– Закрытая черепно-мозговая травма и гнойная рана на руке, осложненная сепсисом. Состояние критическое. Надеюсь, она сумеет выкарабкаться. Не люблю терять пациентов.

– А кто любит-то? – пробубнила себе под нос Марина Игоревна.

– Ты выглядишь уставшей, Мариша. Выдалась тяжелая смена?

– У меня каждая смена тяжелая, – пробурчала уставшая женщина и насупилась.

– Может, тебе взять отпуск на неделю, чтобы отдохнуть и восстановить силы? Ты как натянутая струна, того и гляди – лопнешь. Вся на нервах, – доктор покачал головой и задумался, в то время как лицо у Марины Игоревны тут же скривилось в недовольную гримасу.

– Я недавно была в отпуске. Вышла на работу три дня назад. Вы не заметили, что меня неделю не было в больнице? – пружина, сжатая до предела того и гляди распрямится. – Я всего три дня на рабочем месте, а меня уже все бесит и раздражает. Так что отпуск не сильно-то и помог мне, доктор.

– Тебе здесь не нравится. В этом все дело?

– Да, мне не нравится эта гребаная работа! Я ненавижу эту больницу! И всех этих пациентов я тоже ненавижу! Мне все надоело! Все, понимаете, абсолютно все! Я устала, но я не

могу отказаться от этого места, потому что мне не на что будет жить! Каждый день, просыпаясь, утром, я мечтаю, чтобы кто-нибудь взорвал это чертово заведение, чтобы его смыло наводнением или поглотило землетрясение. Не имеет значения как, лишь бы оно исчезло из моей жизни навсегда. И в то же время, больница – это моя единственная возможность обеспечить себе мало-мальски приличное существование. Я чувствую себя в западне, из которой нет выхода. Я словно хожу по кругу, и мне кажется, что это никогда не закончится. Не буду скрывать, я в отчаянии.

– Ты действительно на грани нервного срыва, но поверь мне, выход есть всегда. Просто поменяй работу, и твоя жизнь заиграет новыми красками.

– В моем возрасте это практически невозможно. Отсюда мне дорога или в уборщицы, или в гардеробщицы. И знаете, ни то, ни другое меня не устраивает. Я словно попала в капкан из которого мне уже не вырваться.

– Сдается мне, что ты сама загнала себя в эти ужасные рамки. Ты словно стучишься головой в кирпичную стену, совсем не замечая, что рядом находится открытая дверь. Просто оглянись. Внимательно посмотри по сторонам, и ты обязательно это заметишь. Если есть желание что-то поменять и при этом есть четкое понимание, чего ты конкретно хочешь в итоге получить, то варианты появятся сами собой, словно из ниоткуда. Твой мозг сосредоточен на негативном сценарии. Ты убедила себя, что обречена на нелюбимую ра-

боту, как на огромную неудачу. Ты заранее чувствуешь себя проигравшей. Теперь тебе нужно убедить себя, что работа в действительности может приносить радость, удовольствие и вместе с этим – деньги. Посмотри на проблему под другим углом. Просто обойди ее с другой стороны. Ситуация на самом деле не безнадежна. Будь хозяйкой своей судьбы. Разреши себе сделать выбор. Запомни: выбор у нас есть всегда. И мы сами решаем стоит ли воспользоваться этой возможностью или проще катиться по накатанной колее, обвиняя и ненавидя всех вокруг.

– Доктор, о каком выборе вы говорите?! От меня ничего не зависит! Как и от многих других. Слишком часто нам приходится играть по чужим правилам.

– Согласен. Мы действительно часто играем по чужим правилам. Но это происходит только в том случае, когда мы на это соглашаемся. Ты делаешь это добровольно: принимаешь чужие условия. Но именно тебе решать принимать их или ввести свои правила.

– Мне кажется, что мы говорим с вами о разных вещах. Вы просто не понимаете меня!

Доктор, конечно же, понимал, но был удивлен и обескуражен подобной жизненной установкой. Ведь он всегда был хозяином собственной судьбы. Сам принимал решения и сам отвечал за последствия. Порой он поступал правильно, порой ошибался, но никогда ни в чем никого не винил, ни на ком не срывал злость в случае неудач. Потому что знал и осо-

знавал, что все есть последствия его выбора. Он был творцом собственной жизни. Сам писал для нее сценарий. Он стал для себя и вдохновением, и проклятием одновременно.

– Говорим мы об одном и том же. Просто наше мировоззрение очень отличается. Мы с тобой словно находимся в разных плоскостях. Отсюда и противоречия. Иди отдохни немного. Выпей чаю. Я попрошу Дашу тебя подменить.

– Спасибо, доктор, – и Марина Игоревна, опустив глаза, быстрым шагом направилась в сестринскую, в глубине души искренне радуясь незапланированному перерыву.

Сидя в своем кабинете, дежурный доктор Алексей Павлович Синицын был не на шутку встревожен. Разговор с медсестрой заставил о многом серьезно задуматься. Кроме всего прочего, его беспокоила новая пациентка. Совсем молоденькая. Сколько ей? Доктор открыл историю болезни и посмотрел на дату рождения. Ей всего двадцать с небольшим. Как и его единственной дочери. Насте этой весной тоже исполнилось бы двадцать три. Но ее уже три года как нет, а рана на сердце все такая же свежая, как будто это случилось вчера. Новая пациентка напоминала ему дочь. Дочь, которую он никогда не увидит, не обнимет и не скажет, как сильно ее любит, как много она для него значит. Дочь, которую он не смог спасти. Хотя спасать жизни – его профессия. Он до сих пор винил себя. До сих пор не мог себя за это простить.

Ночь. Ординаторская освещена тусклым светом настольной лампы с зеленым абажуром. Доктор Синицын сидел за

письменным столом, предаваясь воспоминаниям. Одинокая фигура, уставшего человека, со всех сторон окруженная темнотой – густой, глубокой, непроницаемой. Как случилось, что они с женой потеряли дочь? Кто виноват в том, что их семейное счастье развалилось на части? Ведь в самом начале пути они были так счастливы. Он отчетливо это помнил.

Алексей Павлович полюбил свою будущую жену Аню, когда был студентом мединститута. Его чувство оказалось взаимным, и их роман стремительно развивался. На тот момент у них не было ни жилья, ни денег, ни работы. Ровным счетом ничего, кроме их взаимного и всепоглощающего чувства. Сначала они жили в общежитии, питались кое-как. Аня вечно что-то штопала, потому что на новые вещи денег попросту не хватало. Но они, не переставая, смеялись, целовались, держались за руки, смотрели друг другу в глаза и неизменно верили в светлое будущее. Они были счастливы! Очень! Несмотря на убогий мир, который их окружал. Казалось, их счастьем никогда не будет конца. Но конец все-таки наступил. Когда же это случилось? Когда именно все рухнуло?

Алексей Павлович устало потер глаза. Морщины на лбу обозначились резче, безжалостно выдавая возраст. Он задумался, вспоминая.

К тому времени, когда он закончил институт, ему сразу же предложили должность врача - кардиохирурга в местной больнице. Они с женой очень радовались этому. Ведь как-

никак, это была постоянная работа, со стабильным, хотя и совсем невысоким заработком. Но главное – они надеялись, что их нищенскому существованию вот-вот придет конец и можно будет потихоньку налаживать быт. И новоявленный доктор с головой погрузился в работу. Работал как одержимый, постоянно брал себе дежурства, практически не имея выходных. А жена в это время занималась домом, хозяйством и была той тихой гаванью, в которую он время от времени возвращался, как разбитый корабль, чтобы восстановиться, набраться сил и отправиться в следующее плавание. Потом Аня забеременела, и это не могло не радовать их обоих.

Беременность протекала тяжело. Роды были очень сложными. Акушеры говорили, что просто чудом удалось сохранить жизнь матери и ребенку, потому что подобные ситуации редко заканчиваются счастливым исходом. Да, это было несомненным чудом. А разве могло быть по-другому? Ведь их любовь с самого начала была самым настоящим волшебством, способным свернуть горы и преодолеть все препятствия!

Малышка росла здоровенькой и жизнерадостной девочкой. Жена тоже быстро восстанавливалась после тяжелых родов. Но врачи вынесли однозначный приговор: Аня больше никогда не сможет иметь детей. А ведь они оба мечтали о большой семье и куче шумных ребятишек. Что ж, могло быть и хуже. Аня могла умереть в родах, или они могли

потерять малышку. При любом раскладе сложившаяся ситуация оказалась наиболее благоприятной. Поэтому молодая чета не стала заикливаться на неприятностях, а благодарил небеса за возможность быть хоть и не многодетной, но все-таки полноценной семьей.

Все это возложило еще большую ответственность на плечи молодого доктора. Ему хотелось дать все самое лучшее своим любимым девочкам, которых он чуть не потерял. Он стал работать еще больше, еще усерднее. И вскоре уже занимал место кардиохирурга в крупнейшем кардиологическом центре города.

Спустя еще немного времени его признали ведущим специалистом этого центра, в котором доктор Сеницын проводил сложнейшие операции на сердце. К нему выстраивались огромные очереди пациентов, среди которых было немало очень состоятельных и влиятельных людей. Конечно же, сложившаяся ситуация не могла не отразиться на его доходе, который очень резко возрос.

Теперь доктор Алексей Павлович мог позволить себе если не все, то очень и очень многое. У него появилась просторная квартира в престижном районе, шикарная машина, дорогая одежда. Жена и дочь тоже ни в чем не нуждались. Он осыпал их всевозможными благами сверх всякой меры. Можно смело сказать, что семья Сенициных купалась в роскоши, периодически этой самой роскошью захлебываясь. Единственное, наверное, в чем жена и дочь молодого и

перспективного доктора отчаянно нуждалась, так это в самом докторе, в его присутствии, в его участии, в его драгоценном времени. То есть в том, что Алексей Павлович виртуозно и, главное, незаметно для самого себя заменил на подарки.

Все свое время он проводил на работе. Теперь даже в отпуск жена с дочерью ездили без него. Их совместные выходные стали столь редкими, что приобрели исключительный характер. Он практически не видел жену и дочь, но он твердо знал, что они существуют. И это знание согревало ему сердце. За повседневными трудовыми буднями он совсем не замечал, что его веселая, открытая и жизнерадостная Аня превратилась в тихое, печальное существо с грустными глазами, загнанного оленя, а дочь росла капризным, неуправляемым и избалованным ребенком.

Маленькая Настя была очень похожа на отца, которого буквально боготворила, а от отсутствия его внимания сильно страдала. Она не могла смириться с тем, что отец словно выключил себя из их с матерью жизни. Насте не хватало материнской стойкости и самоотверженности, чтобы пережить все это, поэтому она бунтовала.

Капризы, истерики и детская брань стали обычным делом в семье. Мать не могла найти к дочери подход. Чтобы она ни делала, чтобы ни говорила, Настя все воспринимала в штыки. Девочка как будто постоянно сравнивала родителей между собой, оценивала, вынося приговор обоим. Из-за этого

она еще больше злилась на мать, словно наказывая ее за постоянное отсутствие отца в ее жизни. Чем старше становилась Настя, тем громче и отчаяннее звучали ее протесты, тем изощренней она издевалась над Аней, не переставая морально бичевать ее.

Аня много раз пыталась поговорить об этом с мужем, но тот не видел и не осознавал всей серьезности проблемы, постоянно отмахиваясь, ссылаясь на большую занятость. Ему казалось, что это вот-вот пройдет. Нужно лишь немного подождать, и проблема разрешится сама собой, но она приобретала все более чудовищный размах.

Как он мог быть таким слепым и бесчувственным чурбаном? Как мог не заметить и не понять, что дочь привлекала к себе его внимание всеми доступными для нее способами?! Ведь своими поступками она буквально кричала: «Посмотри на меня, дотронься до меня, удели мне хоть крупицу своего драгоценного времени, ведь я живая, я существую, и я нуждаюсь в тебе!» Почему тогда он так настойчиво отворачивался от этих детских призывов, почему считал их несерьезными, почему не придавал этому никакого значения? Как случилось, что мир материальных ценностей стал важнее любви?! Как и когда это произошло? Почему он был настолько глух к потребностям дочери, что по-настоящему заметил всю серьезность ситуации лишь когда Насти не стало?

Доктор в отчаянии сдвигал ладонями виски, как будто это могло повернуть время вспять и исправить ошибки прошло-

го. Наконец он застонал, признав себя побежденным.

Он один виноват в случившемся. Только он виноват, что его семья развалилась на части, Настя умерла от передозировки наркотиков, а его милая жизнерадостная Аня медленно, но верно превращалась в алкоголичку. Горе совсем раздавило ее, и теперь она ежедневно заливала его спиртным. Каждый день жена напивалась.

Теперь в квартире царили запустение и разруха, невидимой тенью летал запах алкоголя, а Аня за эти три года обрюзгла и окончательно опустилась. Алексей никак не мог убедить ее лечь в клинику для алкоголиков, чтобы начать лечение. Жена находила какое-то особое удовольствие в собственном разрушении. Ее жизнь закончилась вместе с жизнью единственной дочери. И он ничем не мог помочь. Ничем. Это разрывало сердце. Если бы не любимая работа, раскусок его, скорее всего, не справился с испытанием.

Алексей Павлович старался как можно реже появляться дома. Там его ожидали воспоминания, разлетевшиеся в прах надежды и боль. Некогда теплое и уютное гнездо превратилось в затхлый мавзолей, кишачий призраками, печальными воспоминаниями и угрызениями совести. Поэтому, он с радостью соглашался на любые дополнительные дежурства и по возможности отказывался от выходных. Но и этого было недостаточно. Тогда, чтобы заполнить те немногочисленные свободные от работы дни, которые у него еще оставались, доктор устроился на четверть ставки в обычную городскую

больницу в отделение гнойной хирургии, рядовым хирургом. Только такой тяжелый изнурительный рабочий график спасал именитого хирурга от отчаяния и безумия.

А эта молоденькая пациентка, только что поступившая в их отделение, одним своим видом и существованием умудрилась разбередить незаживающую рану в душе Алексея Павловича: так сильно она напоминала ему собственную дочь. Дочь, которую он не смог спасти. Дочь, которую он обделил своим вниманием. Дочь, в чьей гибели он винил себя. Именно поэтому состояние здоровья Лизы Рябининой вызвало у доктора такое беспокойство. Он отчаянно сражался за ее жизнь: ему хотелось сделать для этой девочки то, чего он не сделал для своей Насти. Он хотел спасти ее несмотря ни на что.

Сейчас невозможно было с точностью утверждать, удастся ли ей выкарабкаться, но Алексей Павлович точно знал, что на этот раз он сделал все от него зависящее и даже больше. Он не позволит этой девочке соскользнуть в пропасть. Он встанет рядом и будет крепко держать ее за руку, не отпуская. Дело оставалось за самой Лизой. Хватит ли у нее сил и ресурсов выиграть эту битву. Доктор от всего сердца надеялся, что хватит.

Глава 8

Горячо! Как горячо!!! Все вокруг горело: голова, израненная нога, тело, постель и даже воздух вокруг. Ветер из открытого окна тоже был горячим и не приносил облегчения. Он время от времени надувал прозрачную ткань, закрывающую окно, шелестя разлетевшимися по комнате пергамен-тами. Жар был повсюду: плотный и тяжелый, он окружал и брал в плен. Раскаленный воздух с трудом проникал в легкие, затрудняя дыхание. Разгоряченная постель превратилась в кипящий котел. Жар господствовал не только снару-жи, он бесцеремонно проникал внутрь, плавя кости и рас-творяя внутренности. К тому же, эта ужасная боль в голени. Незаживающая, гноящаяся рана буквально изводила, лишая покоя.

В последние дни окружающая действительность стала складываться из отдельных фрагментов, а возвращение к ре-альности сродни взмахам крылышек тропической бабочки: яркое и краткосрочное, постоянно пугало и вызывало заме-шательство, было болезненным. Вот легкое дуновение ветер-ка, нежной прохладой коснулось кожи. Всего лишь мнимое облегчение. Затем взгляд выхватил яркое пятно лазури на стене, с кровавыми всполохами. Совсем недавно здесь была свежая фреска с чудесным пейзажем. Сейчас это всего лишь яркие краски, лишенные формы.

Как давно это случилось? В какой момент мир рассыпался на множество мельчайших частиц? Другая жизнь. Я точно помню, что у меня была другая жизнь. Жизнь, где не было боли и чудовищного, испепеляющего жара. Просто обычная жизнь. Нет, не то... Не обычная жизнь. Совсем не простая. Напротив, жизнь, где от меня чего-то ждали, где необходимо было быть кем-то очень важным, соответствовать отведенной мне роли. Похоже, у меня не получилось справиться, не хватило сил бороться. И, кажется, это конец, мое полное и абсолютное фиаско.

Шорох одежды, чьи-то легкие шаги и мягкий убаюкивающий голос, нежный и ласковый, успокаивающий и обнадеживающий, звучит как песня. Песня, которую в детстве пела мне мама. Мама?

– Мама! Мама, это ты?

Нет, это не мама. Тогда кто же? Кто-то очень знакомый. Кто-то очень важный. Не могу вспомнить. Память подводит меня все чаще и чаще.

Прикосновение к щеке нежных пальцев и едва уловимый тонкий аромат цветов, а этот голос все журчит и переливается, как фонтан в тенистом дворике. Я не вижу лица, не могу рассмотреть его, не могу вспомнить имени, не могу разобрать слов. Я тону в густом мареве, в непролазном тумане, в месте, полном глухой тишины. А еще меня переполняет страх не успеть сделать что-то очень важное, осознать что-то очень ценное и сказать, сказать... Необходимо же что-то

сказать. Но что? Я никак не могу подобрать нужных слов. Они разбегаются в разные стороны как проворные жуки.

Волосы совершенно слиплись от пота, губы растрескались. Хочется пить. Хотя бы несколько глотков свежей прохладной воды. Взгляд упал на стол. Там лежали аккуратно сложенные пергаменты. Они больше не шелестят на ветру, как сухой тростник. А вот и кувшин с водой, но до него не дотянуться. Чтобы напиться, нужно встать с кровати и пройти несколько шагов. Сил на это у меня точно не хватит. Значит, надо подождать, когда кто-то заглянет в комнату, и попросить воды. А пока... Пока мой удел это боль, жар и забвение.

Чьи-то заботливые прохладные руки прикоснулись ко лбу. Какое облегчение. Прохлада! Пусть даже и ненадолго. Пригнувшись, мне не удалось уловить тонкий аромат цветов. Это сильно разочаровало.

– Пить, пожалуйста, пить, – голос скрипел, сипел и скрежетал, как песок по железу.

Все те же прохладные, но жесткие руки поднесли к губам питье. Жидкость вытекала изо рта и стекала по подбородку. Это не вода. Что же это? Возможно, какой-то болеутоляющий отвар. Однако сладковатый едва уловимый запах этого питья вызывал беспокойство и страх. Но почему? Сознание путалось, память подводила, а нужный ответ так и не приходил в голову. Оставался лишь животный страх, беспокойство и чувство обреченности. А неукротимая потребность поту-

шить внутренний пожар и дикая жажда низводили чувство страха и беспокойства до полной и абсолютной ничтожности. Поэтому сухие, в кровь растрескавшиеся губы все продолжали и продолжали прикладываться к неизвестному напитку.

Странно, питье не принесло ни малейшего облегчения. Оно словно заливало горло раскаленным свинцом. А потом стало трудно дышать, сердце же подобно мустангу пустилось в бешеную скачку. Меня трясло вместе с постелью, и было понятно, что сил укротить собственное тело на этот раз точно не будет. Зато мысли наконец прояснились, глаза широко раскрылись, память связала вместе сладковатый едва уловимый запах питья и его название. Все встало на свои места, но... слишком поздно. Сердце сделало еще несколько бешеных скачков и, как загнанная лошадь, начало спотыкаться. Оно пропустило сначала один удар, потом еще, и еще, и еще. А потом... А потом наступила тишина. Глухая, непроницаемая тишина...

– Скорее, доктор! У новой пациентки остановка сердца. Эта фраза вонзилась в мозг доктора-реаниматолога, как пчелиное жало вонзается в плоть.

Доктор подскочил как ужаленный и бросился спасать пациентку, по пути делая необходимые распоряжения. Надо

отдать ему должное, он не испугался, не растерялся, хотя это было его первое дежурство. Он только что устроился на работу после мединститута. Молодой специалист Александр Сергеевич сумел собраться с мыслями и вспомнить все, чему его учили. А учился он, надо сказать, не блестяще, частенько по несколько раз пересдавая многие дисциплины, матерясь на чересчур дотошных преподавателей. Сейчас он готов был расцеловать ноги всех, даже самых противных и занудных учителей за то, что им, несмотря на его лень и совершенно несерьезное отношение к учебе, удалось запихнуть хоть какие-то знания в его бестолковую голову. Именно знания и находчивость молодого реаниматолога спасли жизнь Лизы Рябининой. На данный момент ее состояние вновь было относительно стабильным, хотя она по-прежнему была без сознания.

В отделении интенсивной терапии творился ужасный переполох. Дежурство выдалось на редкость беспокойным. Медсестре Марине Игоревне этой ночью совсем не удалось поспать. А виной тому была их новая пациентка Лиза. Марише она сразу не понравилась. «С ней хлопот не оберешься, помяните мое слово!» – говорила она всем и каждому. И в самом деле, сложная пациентка, не пойми откуда взявшаяся, с подозрительной колотой раной на руке не внушала ни доверия, ни оптимизма. Все в этой девочке вызывало беспокойство. Но больше всего Мариша боялась, что она, не дай боже, умрет в ее смену. Терять пациентов дело очень, мягко говоря, неприятное, даже если ты сталкиваешься с подоб-

ным уже несколько десятков лет подряд, и, казалось бы, чего только в жизни не повидал, а твое сердце ко всему привыкло и давно очерствело.

Чушь, чушь и еще раз чушь! Смерть пациентов всегда потрясает. Всегда. Пусть и не так сильно, как впервые. А от этой девчонки ожидать можно чего угодно. Это Мариша поняла сразу. «Вы только посмотрите на нее, вот взяла и выдала тут остановку сердца! Кто ее знает, возьмет, да и помрет еще, чего доброго!» Учитывая ее состояние, в этом не было бы ничего удивительного.

Доктору Синицыну сообщили о ЧП, произошедшем ночью в отделении интенсивной терапии, только после того, как удалось стабилизировать состояние пациентки. Честно говоря, все напрочь забыли о том, что доктор настоятельно просил сообщать о любых, даже самых незначительных изменениях в состоянии Лизы, не говоря уже о такой серьезной проблеме, как остановка сердца. Ведь, боже мой, он же кардиохирург! Кому, как не ему знать о сердце и его патологии, если не все, то очень и очень многое. Нет сомнений, что его знания и опыт пригодились бы в сложившейся ситуации. Вот бестолковые ослы, не догадались его позвать! Поэтому доктор, не переставая сокрушаться и причитать, по поводу того, что ни на кого нельзя понадеяться в этой жизни, кроме самого себя, первым делом направился в палату к своей подопечной. Ему необходимо было лично удостовериться, что с пациенткой действительно все в порядке.

Утро было ясным и чистым. Солнечные лучики весело и игриво пытались проскользнуть в палату через наглухо задернутые жалюзи. От солнечного света на душе становилось теплее.

Доктор подошел к пациентке и присел на край кровати. Первым делом он проверил пульс. Сердце билось слабо, но ритмично. Это обнадеживало, вселяло надежду. Затем он пощупал лоб. Кожа сухая и горячая. Ее лихорадило. На вскидку Алексей Павлович сказал бы, что температура у нее около тридцати девяти градусов.

– Мариша, – позвал он медсестру.

Уставшая, недовольная Марина Игоревна, с темными кругами под глазами, через несколько секунд появилась перед доктором Синицыным, словно выскочивший из табакерки тролль. Она была явно утомлена. Ничего удивительного: дежурство оказалось очень тяжелым. Да и возраст, конечно, берет свое. Чем старше становятся люди, тем сложнее им даются бессонные ночи. Доктор отлично это чувствовал по себе.

– Мариша, дорогая, ты уже мерила температуру пациентам?

– Еще нет. Не успела, – ответила уставшая медсестра, понулив голову и приготовившись выслушать нотацию о собственной нерасторопности.

– Ничего страшного. Еще успеешь. Вы отлично справились с Александром Сергеевичем. Молодцы!

Мариша зарделась и заулыбалась. Похвала пришлась ей по душе.

– Будь добра, подготовь мне эту пациентку для перевязки. Я самостоятельно перевяжу рану, а чуть позже подкорректирую назначения.

– Но, Алексей Павлович, ведь ваша смена уже закончилась, – удивлялась Мариша, вытянув и без того продолговатое лицо.

– Ничего страшного. Я немного задержусь. Сегодня у меня выходной.

– Как скажете, – ответила Марина Игоревна, неудачно изобразив равнодушие на лице. – Через пятнадцать минут все будет готово.

– Вот и отлично, – отозвался доктор и вышел из палаты.

С молодой пациенткой Синицын провозился до обеда. Он сам перевязал и обработал рану. Несмотря на проведенную вчера операцию, рана по-прежнему выглядела скверно. Поэтому Алексей Павлович добавил еще одно лекарство для местного применения, чтобы усилить отток гноя. Надо же, небольшая рана, привела к заражению крови, и жизнь девочки теперь под угрозой. До сих пор нельзя точно спрогнозировать, чем закончится эта история. А бывают случаи, когда человек весь израненный, изрезанный с многочисленными глубокими ранами, довольно быстро идет на поправку. Удивительно, как порой распоряжается провидение человеческой судьбой. Что ж, и в тарелке с супом можно утонуть.

Вот такая сложная и непредсказуемая штука – жизнь.

Перед уходом домой доктор решил еще раз навестить пациентку. Он заглянул в палату. Внешне ничего не изменилось. Лиза по-прежнему была без сознания. Все тот же нездоровый румянец на щеках, неглубокое поверхностное дыхание и слабый пульс. Она казалась такой юной, такой уязвимой, что у доктора невольно сжалось сердце от желания защитить и уберечь. Он присел на край кровати и аккуратно приподняв ее маленькую горячую ладошку, стал нежно поглаживать своей крупной тяжелой рукой. Он по-прежнему видел в этой девочке свою Настю. Спасая Лизу, доктор словно искупал вину перед собственной дочерью.

Так он сидел какое-то время, погружившись в печальные размышления, укутавшись ими, как теплым пледом в мороз. Время – пролитый по столу кисель, расплывалось, образуя затейливые узоры. Вязкая, постоянно меняющая очертания, субстанция. Стрелки часов то неслись как сумасшедшие вместе с воспоминаниями доктора Синицына, то, казалось, замирали и переставали двигаться.

Из ступора Алексея Павловича вывело легкое, едва заметное трепетание ресниц. Показалось? Да, наверное, показалось. Доктор внимательно вглядывался в лицо пациентки. Застывшая, неподвижная, но какая-то беспокойная красота. Да, нет же. Вот опять. Практически неуловимое движение ресниц. Неужели приходит в себя? Доктор отчаянно на это надеялся. Затем нежная девичья ручка слегка сжала его ла-

донь, и снова это легкое трепетание ресниц.

– Мама, мамочка, – прохрипела она. И снова: – Мамочка, я боюсь, не надо, ну пожалуйста. Ах...

Сердце доктора дрогнуло, и он заплакал.

Лиза так и не очнулась. Она бредила...

Глава 9

Пылинки кружили в луче солнечного света. На стене танцевал солнечный зайчик. Предметы в комнате сияли и переливались, словно отполированные до блеска кристаллы. На душе было светло, тепло и уютно.

Тим развалился в кресле, как сытый, довольный кот, вдоволь налижавшийся сливком. Вальяжно занял более удобную позу, потянулся. Приятные мысли щекотали, заигрывали и водили в голове хороводы, приглашая в путешествие по лабиринтам памяти. Томная улыбка размазалась по лицу как заварной крем от только что съеденного пирожного. Выглядело глупо, немного наивно, но это не имело никакого значения, потому что сейчас он был счастлив. Целиком и полностью. Абсолютно. Остальное казалось второстепенным и не имело никакого значения.

Проводив Лизу, Тим вернулся домой в отличном настроении, которое не смогли испортить ни разбитый нос, ни рассеченная губа, ни огромный фингал под глазом. Было даже забавно прийти на работу в таком виде: с синяками и ссадинами на лице. Молодой и респектабельный доктор с расквашенным носом. Вот это да! Вот это сенсация! Какой кружевной узор из сплетен и домыслов сплетут вокруг него мнимые доброжелатели. Сколько внимания к себе он привлечет этим событием. Действительно забавно!

Правда, на работу ему только через два дня, но совершенно точно за это время синяки никуда не денутся. Подумаешь, синяки! Он заплатил бы еще более высокую цену за возможность встретить такую девушку. Сразу стало понятно, что девчонка отнюдь не сладенькая рафинированная конфетка. В этом он не ошибся. Необычная, нестандартная, глубокая, загадочная, пряная на вкус. Опасная, как воды бушующего океана. Было в ней нечто такое, что притягивало, держало и не отпускало. Что-то особое, неясное, едва уловимое, что невозможно было описать, дав четкое определение, но что интуитивно ощущалось им. Она была для него шкатулкой с секретами, возможно, с тайнами. Какими – он не знал, даже не догадывался. Знал лишь, что хочет и готов раскрыть их, делая это не из праздного удовольствия, не как коллекционер. Нет. Он готов был погрузиться в эти неизведанные воды с головой, какими бы они ни оказались: глубокими, холодными или бушующими. Да это и не важно. Важно было лишь желание остаться с нею, быть в ней, чувствовать ее, ощущать ее частью себя. Тим был готов к этому. Он знал, что просто не будет. Знал, что цена за обладание ею высока. Понимал, что не сможет владеть ее сердцем и ее душой, не отдав своего сердца и своей души взамен. Он с легкостью заплатит и эту цену тоже. Без сомнений. Он ни на секунду не сомневался, что игра стоит свеч. На этот раз непременно стоит.

Что ж, решение принято. Якорь поднят. Корабль отправился в путь. Осталось расправить парус своего судна Судь-

бы и на полной скорости направить его в глубокие, неизведанные воды. Да сопутствует ему удача!

Тим вновь улыбнулся во весь рот. Он чувствовал себя всемогущим и неуязвимым, понимая все же, что это чувство также необоснованно, как и скоротечно. А память, подводя определенные итоги, продолжала водить его по своим лабиринтам. Сейчас это было необходимо.

Сколько он себя помнил, он всегда пользовался успехом у девчонок. Они слетались на него как на мед, и ему ничего не оставалось, как беззастенчиво этим пользоваться, что он, собственно говоря, и делал. Девочки охотились на него как на добычу, а он извлекал из этого выгоду, искренне презирая такой сорт женщин. Поэтому в его жизни было много увлечений, а вот настоящее чувство посещало всего дважды.

Первое было юношеской влюбленностью. Очень нежное и трепетное. Странно, но сейчас он практически не помнил ее лица. Время сделало свое дело, лишив знакомый облик четкости, превратив его в размытую акварель. Когда он напрягал память, пытаясь вспомнить дорогие когда-то черты, они словно растворялись в солнечном свете. Память рисовала две тоненькие золотые косички, сочные губы и запах нежной девичьей кожи. Она пахла мятой, земляникой и медом.

То лето оказалось самым счастливым летом в его жизни. Время, полное томления, робких прикосновений, бессонных ночей, страстных неумелых поцелуев и волшебства открытия женского тела. Огромное и незыблемое счастье от раз-

деленного чувства. Три месяца полного и абсолютного экстаза. Маленький кусочек жизни, как маленький кусочек его любимого пирога из лесной земляники, который пекла в то лето бабушка, вкус которого, время от времени, возникал в его снах до сих пор.

А потом наступила осень на календаре и в его душе. Они разъехались с дач и больше никогда не встречались. Нет, он продолжал приезжать к бабушке каждое лето. А вот она больше ни разу так и не появилась. Он грустил и страдал, находя утешение в объятиях других девчонок. Но подобное чувство больше не повторилось. Время шло, неизменно исцеляя сердце, стирая черты любимого лица, оставляя в памяти только запахи и звуки. Он был молод и беспечен, а жизнь продолжала идти своим чередом, врачую тоскующее сердце.

Затем в его жизнь стремительным карнавальным вихрем ворвалась Виктория. Смелая, дерзкая, яркая, обворожительная и безумно желанная. Она опутала его своими чарами, заменив собой целый мир. Так удав, плавно, но целеустремленно обвивается кольцами вокруг жертвы.

Это была жажда. Не проходящая и неутолимая жажда. Чем больше он ее имел, тем больше он ее хотел. Он снова и снова припадал к этому источнику, не в силах утолить разыгравшийся голод. И так без конца, по кругу. Ему всегда было мало. И с каждым разом хотелось все больше, больше и больше.

«Одержимость!» – говорили друзья. Да, он был одер-

жим ею. Только это его ни капли не смущало. Ни капли. Жизнь тогда казалась сладкой на вкус и чувственной до дрожи. Не волновало его и то, что Вика незаметно вторглась в его жизнь, заполнив собой все, совершенно не оставив пространства. Была только она одна и ничего кроме. Это пугало и пьянило. Она словно лишила его самого себя. Теперь не было его, а были только они. Нет, не так! Должны были быть они, но была только она. Она одна и ничего кроме. Он перестал видаться с друзьями, махнул рукой на работу, на учебу, на свои интересы. Прежняя жизнь для него закончилась. Не осталось ничего. Лишь пустота и она. Одна она.словно в вакууме. Одна Виктория. Как воплощенный в жизнь идеал. Верх всех возможных совершенств.

Это лихорадочное безумие продолжалось долго. А потом... А потом, она, как вода, стала просачиваться сквозь пальцы, оставляя после себя лишь мокрый след на щеках, горький вкус на губах, и острое щемящее чувство зависимости. Да, он стал от нее зависим. Зависим от ее присутствия, ее улыбки, ее одобрения. Ради этого он готов был на многое. Нет, он готов был на все. И хотя Тима это пугало, но никогда не останавливало. Ничто не могло его остановить. Он, как разогнавшийся на полную скорость автомобиль без тормозов, стремительно неся вперед, понимая, что рано или поздно разобьется. При этом он не переставая давил и давил на газ, выжимая из автомобиля все возможное. Он просто не мог иначе. Ведь от него теперь ничего не зависело.

Он давно перестал принимать решения. Его жизнь находилась в безраздельной власти возлюбленной. Принеся себя в жертву этому чувству, он добровольно лишился воли, утратив свободу, утратив самого себя. Это была рабская любовь, где один выжимал другого до последней капли, а другой принимал все с улыбкой на устах, ничего не требуя взамен.

Конец был неизбежен и очевиден. Их встречи стали реже и короче. Виктория становилась более сдержанной, более отчужденной. Пока не стала совсем безразличной. Тогда она предложила расстаться. Это оказалось роковым ударом для Тима. Он не хотел, не мог этого допустить. И тогда он сделал ей предложение. Она безудержно хохотала, объяснив, что замуж вовсе не собирается. Ни за кого, никогда. Даже не помышляет об этом. Да и зачем? Такая жизнь ее полностью устраивает. А выйти замуж – это же так скучно! Нет, нет! Никогда она не променяет свою свободу на возможность следовать за мужчиной, согласовывать с ним свои решения, делить с ним себя и свою жизнь. Нет, нет и нет! Она принадлежит только себе. Все остальное мимолетно. Замужество – не ее путь, поэтому так глупо предлагать ей это. И вообще нет смысла продолжать этот неприятный разговор. Им было хорошо вместе. Очень хорошо. Но у всего в жизни есть начало и конец. И их отношения не исключение. Поэтому нет смысла драматизировать ситуацию. Лучше расстаться спокойно и без нервов. Нечего валять дурака, ведь они взрослые люди. Надо взять себя в руки, пожелать друг другу счастья и разой-

тись тихо и спокойно, сохранив в памяти лучшие моменты.

Что ж, Тим взял себя в руки и попытался не драматизировать. Он ничего не сказал, не переубеждал, не настаивал на своем. Просто позволил произойти неизбежному. И они разошлись в разные стороны. На этом, собственно, все и закончилось. Для Виктории, но не для Тима. Внутри него что-то треснуло, лопнуло и все сломалось.

Расставание он переживал мучительно и болезненно. Да, он страдал. Его ломало, а душа исходила кровавыми слезами. Безысходность мертвой хваткой держала за горло. Он начал пить. Жизнь заволокло туманом, он погружался в сумерки. Апатия и безысходность владели теперь им безраздельно. Он больше ничего не хотел и ни к чему не стремился. В серости и тоске проходили дни, неотличимые один от другого. Тим остался без работы и чуть не лишился учебы. Его вот-вот должны были отчислить. Но ему уже было все равно. И в этот момент вмешалось провидение.

Сидя вечером в баре за очередной порцией спиртного, он встретил однокурсника.

Глава 10

Вынырнув из стакана со спиртным Тим оглянулся по сторонам. Искусственный свет больно резал глаза. Грязь и шум вокруг. Плотное облако сигаретного дыма заволокло пространство, превратив предметы в абстрактные цветные пятна. Какая-то вязкая, неосязаемая мерзость плавала вокруг. На душе тоже было гадко. Захотелось напиться вусмерть, чтобы полностью отключиться. Незнакомые лица раздражали. Особенно бесило худое улыбающееся лицо с глупой, детской улыбкой. Неудержимо захотелось врезать по этой наивной роже. Незнакомец кивнул, поднялся со своего места и направился к Тиму, продолжая улыбаться.

«Ну все, драке быть!» – про себя подумал Тим. Раздражение с бешеной скоростью уступало место недоумению.

– Привет, Тимофей! Я так рад тебя видеть, – парень продолжал наивно и немного застенчиво улыбаться.

– Здравствуй, Андрюха, – проворчал Тим и потупил глаза. Его раздражение вмиг улетучилось, как-только он узнал однокурсника.

Андрей – невысокий, тщедушный паренек с открытым взглядом, в очках с толстой оправой, немного странный и несуразный, очень робкий, застенчивый и безотказный. Он был местным дурачком на курсе. Не то чтобы он был глуп. Нет. Он отлично учился и никогда не прогуливал, но имен-

но эта его старательность помогла завоевать авторитет белой вороны. Над ним постоянно смеялись, издевались, совсем не уважали и откровенно использовали.

Андрей никому никогда не отказывал в просьбе: давал переписывать лекции, списывать на экзамене. Взамен ему чего только не сулили: девчонки обещали пойти с ним на свидание, обещали поцелуи, кто-то давал более смелые обеты. Пацаны говорили, что пригласят его на какую-нибудь крутую тусовку. Но никто никогда не сдерживал своих обещаний. А этот маленький человечек продолжал помогать просящим, не надеясь, что кто-нибудь однажды все-таки сдержит слово. Так что все развивалось по одному и тому же сценарию: обещания, неизменная помощь и неоправданные надежды сменяли друг друга. Круг замыкался. История повторялась. Как можно быть таким простодушным лопухом, Тим решительно не понимал. Эта детская наивность и доброта не вызывали у него ни уважения, ни восхищения, поэтому Тимофей всегда держался от него подальше, считая никчемным и несурьезным.

– Я давно не видел тебя в институте. Ты заболел? У тебя что-то стряслось?

– Да нет, я не заболел. Все норм. Просто я больше не хожу в институт.

– Ты что бросил учебу?!

– Думаю, да.

– Почему?! Медицина тебя разочаровала? Ты нашел для

себя что-то новое?

– В самом деле наше. Скорее даже открыл. Бутылку с виски. Я, знаешь ли, каждый день делаю подобное открытие и даже не одно.

– Ты шутишь? Или у тебя реально проблемы? Может, я могу помочь? Скажи? – при этом на лице Андрея отразилось такое искреннее беспокойство, что у Тима не хватило наглости послать его.

«Интересно, он сейчас прикидывается таким добреньким или просто по жизни блаженный дурачок?» – подумал Тим.

– Понимаешь, у меня кое-какие проблемы личного характера. Мне совсем не до учебы.

– Но как же так? Ведь мы уже на четвертом курсе, понимаешь? Ты потратил почти четыре года и хочешь сказать, что это время можно с легкостью выбросить на помойку и забыть? Ты же прекрасно учился. Из тебя может выйти замечательный доктор. Знаешь, мне всегда казалось, что ты искренне интересуешься медициной. Я, конечно, ничуть не умаляю серьезности твоих проблем, но может, оно того не стоит? Разве я не прав?

Тим впервые задумался. Действительно, после того, как в его жизни появилась Вика, все пошло наперекосяк. Сначала он потерял престижную и высокооплачиваемую работу, теперь вот, кажется, теряет и учебу тоже. А ведь он всегда мечтал стать врачом. Андрюха совершенно верно подметил, что его интерес к медицине был абсолютно искренним и на-

стоящим. Что же он делает со своей жизнью и почему так стремительно несется в пропасть?!

– Прав, – ответил Тим. – Ты прав.

– Тогда в чем дело?

– Слишком поздно. Я пропустил все лекции в этом семестре. Мне не сдать экзамены. Поезд ушел.

– Какая чушь! Ты еще можешь запрыгнуть в последний вагон, если как следует постараться. До начала сессии целых две недели. Ты вполне успеешь подготовиться.

– Да? А где, интересно, я возьму конспекты с лекциями? У меня же нет ни одной.

– Как где? Если хочешь, я поделюсь с тобой. У меня есть все конспекты. Я даже могу тебе помочь готовиться к экзаменам.

– Да ну? А зачем тебе это надо? Мы ведь не друзья с тобой, даже не приятели. Да мы с тобой почти не знакомы. Зачем тебе возиться со мной? Зачем тратить время на такого субъекта, как я? А?

– Как зачем? Как же я буду жить дальше, зная, что даже не попытался протянуть руку помощи человеку, оказавшемуся в затруднительном положении? Не попробовал вытянуть тебя из болота. Да, мы не друзья, но я знаю тебя. Я видел, как блестели твои глаза на лекциях! Слышал, с каким теплом о тебе говорили пациенты, которых ты курировал во время практики в больнице. У тебя была цель, и ты уверенно продвигался к ней. Я не сомневаюсь, что ты выбрал медицину,

руководствуясь зовом сердца, точно так же, как и я. Думаю, ты сможешь стать прекрасным врачом, и было бы обидно и несправедливо остаться равнодушным, пройти мимо и позволить тебе утонуть, даже не попытавшись помочь.

– Ты либо кретин, либо слишком хитер, – выдохнул Тим.

– Знаешь, когда мне было четырнадцать лет... умерла моя мама. Она умерла при родах. Говорят, по вине доктора. Случай был не безнадежный. Врачебная ошибка... Такое бывает. Зато врачам удалось спасти сестренку. А мама... моя мама... – у Андрея затряслись губы, казалось, он вот-вот заплачет. Но он не заплакал, сдержался и продолжил:

– Отец остался с двумя детьми на руках. Он очень сильно переживал потерю и стал пить. Раньше у него никогда не было проблем с выпивкой, но после той трагедии он сильно изменился. Он сломался – не смог выдержать горя. Ведь они с мамой очень любили друг друга. Отец все чаще уходил в запой. Пил не просыхая неделями. В результате потерял престижную работу, стал жить временными заработками, поэтому денег нам сильно не хватало. Порой даже нечего было есть. Но отца это не волновало или он попросту этого не замечал. Он сильно изменился. Стал совсем другим человеком, замкнулся в себе, отгородился от мира, продолжая медленно тонуть в своем горе, не замечая ничего вокруг. А вместе с ним тонули и мы. К сестре отец вообще не подходил, не хотел ее видеть, ведь она напоминала ему о смерти жены. Но разве малышка виновата? Она была такой малень-

кой и совсем беспомощной, и у нее никого кроме меня не осталось. Я стал заботиться о ней вместо отца. Помогла бабушка. Она переехала к нам – вместе мы кое-как справлялись. Сестру называли Мария – так хотела мама. Отцу было все равно. А вот бабушка была против. Она говорила, что в жизни каждой Марии присутствует некая горечь и надо выбрать другое, более счастливое имя. Но мама хотела, чтобы девочку называли Маша. Я много раз слышал, как она говорила об этом с отцом, поэтому отказался называть сестренку другим именем. Так мы и жили в тяготах и нужде. А потом, спустя год, погиб отец: сел пьяным за руль и попал в аварию. Кроме него никто не пострадал, но мы остались втроем практически без средств к существованию. Крохотная бабушкина пенсия не давала нам возможности сводить концы с концами. Мы отчаянно нуждались в деньгах. Тогда мне пришлось искать работу. Я брался за любую, было очень тяжело, но школу я все-таки не бросил. Ведь я решил стать врачом. Акушером, чтобы помогать женщинам в родах. Чтобы... ну, в общем, думаю, ты понимаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.